

БЕГСТВО

КНИГА I

ДЭВИД
НЕЗДЕШНИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ АВАТАРЫ

Дэвид Нездешний

Бегство

Серия «Возвращение Аватары», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21549324

Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

ISBN 978-1-387-69815-8

Аннотация

Топчут сапоги дорожную пыль Там, где сказка превращается в
быль, Замирают в изумленье глаза, По щеке бежит скупая слеза...
Оставляя за спиной много вёрст, Мы уходим под сияние звёзд,
Это мог бы быть короткий рассказ, Но покой – это совсем не про
нас! Нас ждут дороги, Нас ждут пути! Уносим ноги! Куда идти?
Враги отстанут, Коль повезёт, И беспрестанно – Вперёд, вперёд!

Содержание

Вступление	4
Часть I	11
Ярмарка	11
Мерлин	39
Сага Чародея	59
Толстый Джек	96
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Дэвид Нездешний

БЕГСТВО

Вступление

Поместье Разгона

Она продиралась сквозь густые заросли можжевельника и терновника, не говоря о репейных колючках, назойливо пристававших к скудной одежде. Глухие зловещие дебри ночного леса не самое приятное место для прогулок, но её не спрашивали, насколько ей мил легендарный Полуденный Лес, славящийся небывалой красотой пейзажа, захватывающими тайнами и... жуткими ночными кошмарами!

Даже в тёмное время суток Лес был полон жизни, Лес танцевал и пел, перекликаясь голосами филинов, хлопаньем крыльев ночных мотыльков и тонким попискиванием мелко-го зверья. Но в ночной темноте скрывались не только милые и почти безобидные зверушки... Помимо них сухую прошлогоднюю листву бороздили изгнившие ноги вырванных зловещей силой из могил мертвецов, преследующих странницу. Она чувяла их запах, зловещий смрад разлагающейся плоти, так и не сумевшей обрести покой в Долине Скорби. Чувствовала их дикую злобу, ставшую почти материальной

и опутывающую её хрупкое тельце со всех сторон. Она металась от одного дерева к другому, тщась найти укрытие в его спасительных ветвях, но Лес как будто не хотел дать девице приюта. Словно объединившись со зловещими мертвецами Бледное Око Митры ярко освещало её белоснежное, совсем не загорелое лицо. Как будто управляемые чьей-то чёрной волей, деревья расступались перед ожившими покойниками, всегда находя для них прямую тропинку к нагло вторгшейся в их владения чужеземке. И ей не оставалось ничего иного, кроме бегства... Бежать... Бежать, изводя на нет дыхание... Бежать из последних сил...

Не остановиться, не перевести дух. Оголтелая нежить находила её всюду. Только успевала она прислониться к стволу очередного раскидистого вяза, как тут же из темноты появлялась смердящая зловещая фигура охотника... Они ЗНАЛИ, где прячется нарушительница векового покоя древнего Леса. Чувствовали её запах, запах живой плоти, крови, яростно бегущей по жилам, слышали стук бешено бьющегося сердца...

Недаром сиды говорили, что ещё никто не уходил живым из владений Разгона без дозволения хозяина. Никому ещё не удавалось провести жуткого некроманта, чёрной волшбой сплотившего вокруг себя орды всякой нежити. И теперь он играл с ней, как охотник с дичью. Пугал её самыми слабыми из своего мёртвого воинства, смеясь и потешаясь над тем, что великая воительница, непревзойдённый мастер айд-эго,

лучшая ученица сидов не может справиться ни с одним из них.

Наверное, она и не была лучшей. Ведь несмотря на то, что ни один послушник, да вряд ли и учитель Академии Высокого Мастерства, за исключением, разве что самого Патриарха, не мог одолеть её в честной схватке, всё же им были ведомы способы борьбы с этой напастью. А голубоглазой красавице не оставалось иных путей кроме бегства. Бежать, и слышать вязкое хлюпанье разлагающихся ног за спиной. Бежать и надеяться на чудо, да на свои усталые, измученные долгой дорогой ноги, не знавшие покоя уже несколько дней кряду. На то, что с помощью Высших они вынесут её из этого кошмара, ставшего её зловещей реальностью несколько дней назад.

...Очередная зловонная харя высунулась из темноты прямо напротив беглянки. С громким воинственным кличем «Хо!» она прыгнула ввысь, выбрасывая стройную, но сильную ножку вперёд, в полураспавшуюся челюсть назойливого мертвеца, и, расчистив дорогу, устремилась дальше, вглубь леса. Туда, где, как ей казалось, должны были заканчиваться владенья Разгона. Она знала, что уже через пару мгновений опрокинутый ею покойник вновь резво вскочит на ноги и устремится в погоню. Но пока он не страшен. Эти мертвяки слишком медлительны и неповоротливы, чтобы догнать её. Пока Разгон не выпустил настоящих гончих. И голубоглазая ученица сидов, когда-то не знавшая иных бед, кроме дворцовых сплетен, ныне всей душой молилась Высшим, дабы

он не додумался сделать этого раньше, чем она достигнет заветного рубежа Лесничества. Там её ждали волки и ведьмы, ядовитые змеи и свирепые беры, но всё это было злом привычным и, главное, поддающимся обычной силе. В сравнении с полумёртвыми тварями они казались детской забавой, которая ничуть не пугала юную красавицу, когда-то давно сбежавшую на свой страх и риск из тёпла и уюта родного дома...

В руке утомившаяся беглянка сжимала посох. Чёрная, гладкая рукоять железного дерева, изрезанная причудливыми рунами, напоминающими картины ужасных пыток и кровавых обрядов в подземных копиях какого-нибудь обезумевшего от собственной злобы изувера, увенчанная чёрным, чернее самой темноты набалдашником, вырезанным, казалось бы, из чёрного хрусталя. Но ученица сидов отлично знала, что за камень венчал этот кровью и потом добытый посох... Посох некроманта!

Ставелит, издревле считавшийся проклятым всеми Высшими, даже самим Повелителем Мёртвых, чьим именем и под чьей опекой вершили некроманты всех времён свои жуткие дела. Однако, сами орудия зловещего Высшего не гнушались использовать этот камень, в котором, согласно верованиям подгорного народа и других подземных племён, сидели души непокаянных, проживших нечестивую жизнь и умерших такой же нечестивой смертью... Говорили, что в определённые ночи, при удачных сочетаниях обеих лун

мощь этого камня может быть высвобождена... И тогда ничто живое не устоит перед легионами освобождённых ей мертвецов, так и не сыскавших покоя в Долине Скорби, сдерживаемых до поры до времени великой властью защитника и благодетеля сущего мира, Повелителя Света, да славится имя его в веках!

Именно за этим камнем и была послана хрупкая на вид девица, почти в совершенстве овладевшая древним искусством айд-эго в славной Академии Высокого Мастерства.

Зачем он понадобился Патриарху, златокудрая красавица даже не задумывалась. Учитель сказал – надо, значит надо! Каждый выпускник Академии обязан был пройти испытание, прежде чем выйти из стен её признанным мастером. И послушница только молча кивнула, когда ей поручили пробраться в самое сердце владений Разгона и выкрасть его жуткий посох, способный стать причиной гибели всех окружающих земель, будь на то воля его владельца. Задание усложнялось тем, что самого Разгона убивать запретили. Для чего-то он ещё был нужен сидам, но ученица даже и не пыталась строить домыслы. Эти загадочные создания никого не посвящают в свои планы и вообще стараются держаться особняком от остального мира. Хотя и не прячутся, и не скрывают свои земли пеленою чар, но всё же внушительная охрана, состоящая из лучших учеников Академии, несёт постоянный дозор и отбивает с лихвой любопытным охоту соваться в запovedные земли светлейшего ярла Вселада.

И уж вообще было неслыханным делом среди этого скрытного племени брать в обучение человека! Людей они презирали больше, чем всех остальных вместе взятых. И хотя открыто не враждовали, старались избегать всяческих столкновений с представителями, как они выражались, Дикого Народа.

Она была единственным исключением вот уже за много дюжин¹, а то и гроссов² веков. Учитель никогда не объяснял, почему её приняли, почему просто не убили, или, хотя бы, не выпроводили за границы своих владений. Сказал только, что трое сражённых ей дозорных из числа учеников Академии тому вовсе не причина. Умение драться не впечатляло надменных сидов и не вызывало их восхищения. Несмотря на то, что при первом своём появлении в Эйтауне хрупкая на вид девчушка была способна одолеть любого послушника третьей ступени, Патриарх даже не обратил на это внимания. И сказал, что она слишком слаба, чтобы выжить в переполненном опасностью мире. Но, всё же, дал добро, и девчушку полутора дюжин лет, хорошенько отмыв и отчистив от дорожной грязи, приняли на пятую ступень, вместе с ещё тремя новичками.

А теперь она бежала. Бежала, потому что впервые столкнулась с противником, которого не могла одолеть в честном бою. Бежала, стараясь бороться со спутывавшим ноги пани-

¹ Дюжина – единица измерения количества, равная 12 штукам.

² Гросс – единица измерения количества, равная 12 дюжинам, или 144 штукам.

ческим страхом. Из последних сил старалась прорваться к спасительной грани Лесничества, где, наверняка, наложены чары суровых обитателей этого места, никогда не терпевших всякую нежить в своей округе. О том, ЧТО она несла в руках, беглянка не думала. Также не думала и не знала она о том, что таких камней во всей Британии сыщется не больше пяти, надёжно припрятанных в руках могущественнейших некромантов, и что Разгон отправится за ней хоть на край света, чтобы вернуть свой.

Узкая тропа, служившая условным разделом владений Разгона и земель лесничих, уже замелькала среди деревьев. До неё оставалось совсем немного, как вдруг беглянка почувяла новый, прежде не ведомый ей страх, во много раз сильнее прежнего. Собравшись с силами, она заставила своё тело двигаться ещё быстрее...

Разгон выпустил настоящих охотников.

Часть I

Джелом

*Познакомились случайно,
Угодили в переплет
И сражались так отчаянно!
Впереди – дорога ждет*

Ярмарка

Небольшой городок, под названием Джелом, находящийся где-то к полудню Британии, в это время года был очень многолюден. Каждый год, в самый разгар жаркого лета, на главной его площади собиралась огромная ярмарка. Сюда приезжали купцы со всех городов, аж до самой столицы. Привозили разные товары, от обыденной глиняной посуды до невероятных волшебных безделушек из Лунного Сияния, должных намного облегчать повседневную жизнь владельцев и ремесленников, но, почему-то, работающих только в руках хитроумных торговцев. Расположились тут и всеразличные карусели, качели и прочие забавные игрища. И, конечно же, разряженные во всевозможные смешные и страшные наряды балаганщики, потешающие зрителей захватывающими и уморительными представлениями.

На весёлое празднество собрались покупатели и зеваки со всего города и окрестных деревень. Даже из Калриджа и Эриданна прибыли многочисленные повозки, гружёные местным добротным элем, расписным фарфором и, конечно, прославленным арийским оружием от небольших изящных кинжалов грубой закалки до величественных пламоров³, поражающих своей громоздкостью и причудливой, но опасной в бою формой клинка.

Всем хотелось поглазеть на гибких гимнастов, величественных канатоходцев, забавных жонглёров, потешных клоунов, широкоплечих силачей, легко играющих пудовыми шарами. И, естественно, в первую очередь, на загадочных и всемогущих факиров и фокусников, поражающих народ волшебными трюками.

В этой шумящей и гогочущей толпе затерялась и странная златокудрая красавица, нежной кожей, королевской осанкой и пронизательным холодным взглядом небесно-голубых глаз никак не походящая на обычных сельских батрачек⁴, или даже на великосветских глуповатых жён местных богатеев, более напоминающих изящные статуэтки, вырезанные из белого мрамора, нежели живых тёплых женщин. Она, несомненно, прибыла откуда-то издалека. И, судя по полному отсутствию хотя бы лёгкого загара, свойственного этим жарким

³ Пламор – клинок с искривлённым, подобно пламени, лезвием. Британский аналог фламберга.

⁴ Батрак – подневольный крестьянин.

местам, недавно с холодной полуночи. Палящие лучи Яркого Ока Митры, казалось, вообще не касались её белоснежной, но местами потёртой кожи.

Бледная странница заметно выделялась из толпы джеломских смугляночек, однако её совершенно неподходящий такой красавице наряд привлекал ещё больше излишнего внимания. Плотные, сужающиеся к голени портки, упрятанные в высокие шнурованные сапоги из толстой кожи, больше подходили мужчине-охотнику, а не прекрасной деве с такой благородной осанкой. Походное платье до колен поверх тонкотканной рубахи туго стягивала пеньковая верёвка в два оборота, к которой крепился гнутым прутком кошель. Кожаная перевязь от плеча к бедру с креплением для кресала под грудью. Спина и плечи укрыты короткой шерстяной накидкой на тесёмке, но откинутый назад капюшон скрывался под развивающимися золотистыми локонами. Она словно бы собиралась и в храм и на охоту, да так и не решила куда, а оказалась и вовсе на ярмарке. Мало кому из городского люда могла прийти в голову мысль, что опытная странница привыкла ждать любых капризов от погоды.

Разумеется, необычная гостья не осталась незамеченной. На неё, не стесняясь, таращились во все глаза, и множество местных щёголей пытались привлечь внимание загадочной незнакомки. Узкое платье подчёркивало упругую грудь, а открытый ворот рубахи обнажал жадным взорам нежную шейку, разжигая кровь их обладателей. Нашлись даже отча-

янные головы, попытавшиеся уволочь красавицу силой, но она легко справлялась с наглецами, отправляя в беспамятство самых бойких, на потеху многочисленным зевакам. И, к немалому огорчению грубого мужичья, к коему относились и нахальные сынки местных богатеев, никому так и не удавалось добиться её благосклонности.

Страницу мало заботили всеобщие потехи. Её вела вполне определённая цель – заработать как можно больше звонких монет, приятно отягчающих почти опустевший кошель на поясе. Когда-то она не ведала нужды во всякой роскоши, на которую только ляжет её зоркий глаз. Но те времена давно прошли, а нынче ей приходилось изрядно потрудиться, что бы просто добыть себе хлеб и крышу над головой, не говоря уж о каких-то приятных излишествах.

Благо среди ярмарочного люда встречалось немало осто-лопов и ротозеев. Нет, необычная гостья Джелома не воровала – гордость не позволила бы ей склониться к этому постыдному занятию даже в самой крайней нужде. Зато успешно опустошала карманы держателей многочисленных игральных шатров. Ловко обманывая самых бывалых и закаленных жуликов, которые сами были не прочь надуть доверчивых посетителей, она успешно пополняла свою тощую мошну пусть и «грязным», но серебром. А в том, что деньги не пахнут, опытная странница не единожды убеждалась на горьком опыте.

Обойдя уже почти всю ярмарку, златовласка, довольно

подсчитывая выуженное у заправских мошенников серебро, лёгкой походкой устремилась в небольшой переулочек, намериваясь покинуть шумную площадь. День становился невыносимо жарким, поэтому долгая задержка могла стать губительной для её нежной кожи. В «Круглом Столе» ожидала мягкая постель в далеко не лучшей, но весьма уютной комнате. И кружка терпкого, прохладного эля, одна мысль о которой заставляла красавицу шагать быстрее.

Улов оказался не плох – около дюжины полновесных серебряников. Вполне достаточно для путешествия в Ю, и даже останется на лишнюю кружечку эля. Златовласка весело улыбнулась, позвякивая драгоценными монетами, и лёгкой поступью зашагала по мощёной булыжниками улочке. В её глубоких нежно-бирюзовых глазах играла мечтательная задумчивость – она уже видела себя в дороге, среди бескрайних степных просторов, необъятных лесов, величественных гор и кристально чистых озёр. Странница даже подумывала когда-нибудь поселиться вдали от людей, на берегу весело журчащей речки... Когда-нибудь, ближе к тем годам, что отнимают у человека необоримую жажду куда-то идти, что-то делать, к чему-то стремиться... А пока её молодое здоровое тело было полно сил, голубоглазая красавица просто слонялась по миру в поисках приключений и такого жуткого, но вместе с тем ужасно приятного ощущения опасности... Хотя в последние дни всё чаще и чаще ей приходилось впадать в русло размеренной городской жизни в вечных поис-

ках средств к пропитанию и оплате постоя. В этих чуждых краях мало кто был готов приютить и накормить незнакомку из одних лишь добрых чувств.

Вдруг из сказочного полузабытья красавицу вырвали шум голосов и восторженные крики большой толпы, собравшейся неподалеку на площади. Несмотря на мучительную духоту и жар летнего полудня, люди жались друг к другу так плотно, что протиснуться меж ними мог только очень маленький и юркий проныра. И, естественно, от такого столпотворения за версту разило запахом пота и грязной одежды, отчего народ познатнее старался обходить сие скопище стороной. Зато людины ⁵ слетались туда как мухи на мёд, и любопытная странница поспешила последовать их примеру.

Конечно, чужеземка могла и не обратить внимания на происходящее там, внутри собравшейся толпы. Но как же не сунуть нос всюду, куда только можно? Она редко задумывалась над тем, что однажды его могут и прищемить.

Заставив себя на время позабыть об отдыхе и эле, странница пробралась сквозь гогочущую потную толпу зевак, в окружении которой увидела здорового детину, которому какой-то верзила поменьше отсчитывал, видимо только что проигранные, монеты. Оба мужчины были обнажены до пояса, физиономии горели красным жаром, а мускулистые, жилистые тела обливались горячим солёным потом.

⁵ Людин – свободный простолоудин, ремесленник или мелкий владетель, не из знати.

– Люди! Удалые молодцы! Кто не трус – подходи силой меряться! – закричал мордоворот, получивший свой выигрыш.

Странница сразу сообразила, что здесь проводится одно из многих забавных для толпы игрищ, случайно пропущенное ею. Правда, этот здоровяк совсем не походил на тех матёрых пройдох, с которыми ей приходилось сталкиваться прежде. Как и большинство сильных людей, он обладал простым, бесхитростным взглядом и добродушной улыбкой, выдававшей в нём человека не слишком-то изодрённого. Многочисленные давно зарубцевавшиеся шрамы на свитом канатами мышц здоровенном теле и обветренном мужественном лице говорили о том, что ему приходилось участвовать не в одном сражении. А стройная осанка подсказывала, что быломu вояке доводилось служить в строго организованном войске, вернее всего, у местного правителя. Короткие густые чёрные усы и волнистые смолисто-чёрные волосы, а так же тёмно-зелёные широко поставленные глаза сообщали о принадлежности дитины не к местному люду, среди которого встречались, как правило, русоволосые и синеглазые. Скорее всего, он выходец одного из закатных народов, вроде тофов и шорлдов, которых странница сама ни разу не видела, но наслушалась о них самых удивительных и невероятных историй. Однако блестящий тёмный загар не оставлял сомнений, что здоровяку пришлось прожить в этих, а может и других жарких краях немалое время. Нахмуренные, сдвинутые

брови и поджатые губы отражали в нём человека сурового склада характера. Вернее всего, эта суровость происходила от пережитых жестоких боёв, яркими памятками оставшихся на всём его могучем теле.

На вызов здоровяка откликнулся молодой мужчина, не выглядевший таким же сильным, зато казавшийся более проворным и подвижным, облачённый в богатое одеяние, вызывающее зависть знатнейших купцов и помещиков. На поясе с золотой бляшкой болтались изящные, инкрустированные сапфирами и рубинами ножны, в которых покоился широкий полторный меч. Под алым бархатным шёлком скрывалась тяжёлая трёхслойная кольчуга, никак иначе, работы подгорных племён. Уже по одной выступающей из-под одежды нижней её части можно было заметить, что к созданию сего великолепного доспеха приложились руки этого искусного народа.

Из восторженного перешёпота толпы чужеземка поняла, что принял вызов верзилы никто иной, как сын самого Всемилостейшего Городничего, Кэлэр Эрберт, которого за глаза величали не иначе, как Троллем. И, правда – грубой развалистой походкой, которую не могли скрыть даже величественная осанка и гордый взгляд, но ещё более – заносчивым и нахальным характером – он походил на описание лесного чудовища из жутких бабушкиных сказок.

Троль надменно вышагивал, высоко подняв голову, с видом человека, привыкшего повелевать. Конечно же, ему не

нужны были деньги простодушного здоровяка, просто хотелось позабавиться и в очередной раз доказать свою силу. До сего времени городничий отпрыск слыл непобедимым в рукопашной схватке.

В воздухе застыло напряжённое молчание. Даже беззаботно лающие на всех прохожих бездомные собаки, казалось, умолкли, дабы ничем не нарушить тревожного ожидания, окружившего противников. Страница была, пожалуй, единственной из зрителей, кто не знал о давней вражде этих двоих. В скрестившихся взорах силачей читалась жгучая ненависть друг к другу.

Правила боя были предельно просты – если верзила укладывает противника на обе лопатки за то время, пока не вытечет последняя капля воды из небольшого глиняного кувшина, что стоял на деревянном столике подле силача – победа присваивается ему. Не успевает – придётся платить проигрыш – полновесный серебряник. А ежели кому удастся положить самого затейщика игрища, то победитель получит всю дюжину. Конечно, молоденькую смекалистую хитрюгу не могли не привлечь такие деньги, превышающие весь её сегодняшний улов. И надо было всего лишь обвести вокруг пальца одного дурака. В находчивой головке тут же принялось подбираться нужное решение. Котелок стремительно заварил, степенно откидывая заранее невозможные и невероятные идеи.

Тем временем поединок начался и во дне сосуда был от-

крыт узкий клапан. Водички в нём плескалось совсем немного. Противники сурово пожали друг другу руки, глядя в упор немигающими глазами. Как тот, так и другой взгляд изучал непоколебимую уверенность. Только у Тролля это была твёрдость человека, привыкшего побеждать и получать всё, чего он хочет. А невозмутимый здоровяк попросту не сомневался в том, что сумеет уделать самодовольного выскочку.

– Я сражаюсь без оружия, – кивнул верзила на внушительный клинок Тролля, – Ведь могу и зашибить случайно на смерть.

Сын городничего язвительно ухмыльнулся, отвечая здоровяку презрительным взглядом, молча отстегнул ножны и передал их вынырнувшему из толпы дружиннику. Немного помедлив, стянул с себя кольчугу и камзол и аккуратно сложил у края круга. Могучий торс Тролля обливался струйками жаркого пота, вызвавшего осторожные усмешки в толпе зевак, никогда не понимавших для чего таскать на себе груду металла в такую духотень.

Оба борца предупреждающе подняли руки, внимательно следя за каждым движением противника. Плотная людская масса, окружавшая их, широко расступилась, давая место для поединка. Крепкие, мускулистые руки вцепились в такие же здоровенные плечи. Ноги прочно упёрлись в песок, взрыхляя из без того перепаханную за день поединков площадку. Капля за каплей утекала вода, звонкими шлепками приближая чей-то триумф и чьё-то поражение. Но никто из

двоих борющихся в поту силачей пока не мог хоть сколь-нибудь серьёзно пошатнуть другого.

Оба вцепились в могучие плечи друг друга, вкладывая всю свою немереную силу в один сокрушающий бросок. Но как ни тщились пыхтящие от натуги борцы, как не ухищрялись, ни один из них не мог одолеть противника. Широоченные ладони железной хваткой сжимали разгорячённые, обливающиеся потом тела. Хладнокровные, почти ледяные взгляды сошлись в своём собственном поединке, подвластном лишь силе характера, а не стальным мускулам. Два жестоких луча – презрение и ненависть, не отрываясь, били друг в друга. Теперь даже бледная чужеземка поняла, что борцы вовсе не случайно встретились сегодня в «дружеской» схватке, а знали друг друга давно. И не с самой лучшей стороны...

И вот, наконец, когда последняя капля воды звонко плюхнулась на землю, возвещая своим пением о конце поединка, Троль растянулся на сыпучем песке на обеих лопатках. А победитель гордо поставил ногу ему на грудь. Не церемонясь, он попросту перебросил противника через себя, выиграв этим усилием тяжёлую борьбу.

Окружающие ротозеи в страхе замерли, ожидая последующих событий. Никто не мог позволить себе даже слишком громкого выдоха. Произошло ужасное – городничий сын проиграл какому-то простому мужику. А значит, за его свободу, если не жизнь, никто не дал бы и медяшки. Любопыт-

ный люд искренне радовался, что никто не рискнул делать ставки на этот бой.

И в наступающей тишине – шум остальной ярмарки казался каким-то далёким и почти неслышимым – раздался яростный вопль Тролля:

– Он боролся нечестно! Ко всем зорнам! Он сделал подножку! Ты сподличал, презренный смерд⁶!

Сын городничего отнюдь не жалел потерянных денег. И даже не так болезненно терпел поражения – Тролля умел проигрывать, хотя состязания в силе и были его коньком. Он не мог смириться с победой над собой *этого* человека. Человека, над которым он сам лишь хотел посмеяться, ввязавшись в поединок. Медленно и без того красная физиономия Тролля наливалась свинцом. Его враг, именно так он готов был назвать могучего верзилу, показал всё своё торжество одной кратковременной вспышкой в глазах, едва ли замеченной раззявившей рты толпой. Когда победитель убрал с его груди тяжеловесную ногу, лицо здоровяка уже обрело выражение будничного равнодушия, как будто он столкнулся со средним противником, одним из многих, справиться с которым ему не составило особого труда. Его хладнокровие просто взъярило наследника городничего.

– Подножка! Все же видели, что была подножка! – не уни-

⁶ Смерд – презрительнее обращение знати к простолюдинам в Британии. В отношении свободных людей используется в ситуациях, когда тот совершает «подлый» поступок, например жульничает. В остальном же со стороны знати подобное обращение допустимо только к подневольным батракам.

мался Тролль.

На что здоровяк спокойно ответил:

– Подножка не запрещается правилами борьбы.

Он, как и зрители, знал, что никакой подножки не было, но не решился обвинять отпрыска городничего во лжи. В конце-концов, жалкие попытки оправдаться ущемляют только достоинство проигравшего. Хватит с него и одного поражения на этот день.

Тролль, скрипя зубами, убрался восвояси и даже заплатил верзиле проигранное золото – серебра у него при себе не оказалось, городничий сын привык рассчитывать «чистой» монетой. Но, уходя, пробурчал что-то о незаставящем себя ждать возмездии. Здоровяк только хрипло усмехнулся в ответ. И толпа, вторя ему, разразилась презрительным хохотом. Хотя все и побаивались Тролля, но каждый понимал, что сегодня вся его месть обратится только против нахального борца. И потому от души давали волю грубым насмешкам и подколкам. Хотя несколькими, самым острым языкам, их язвительность стоила крепкой порки. Блистательная дружина Кэлара заставила наглецов поплатиться за грубые речи.

А верзила, довольный собой, припрятал золотой в кошелек и принялся снова громко зазывать народ. Но после недавнего представления, у окружающих зевак отпало желание меряться силой с победителем лучшего борца города. Никто не сомневался в своём поражении, но более того не хотел терять свои деньги. Мало кому из присутствующих мог-

ла прийти в голову мысль выбросить драгоценное серебро на ветер просто ради забавы.

День клонился к закату. Здоровяк без дела расхаживал туда-сюда, играя бугристыми мускулами и перешучивался с наиболее крепкими из зевак, в надежде спровоцировать их испытать свою силу. Однако, ему повезло опрокинуть лишь ещё пару соперников, не выдавших поражения Тролля. Вскоре желающих и вовсе не стало и люд потихоньку стал расходиться, понимая, что потехи больше не будет.

Тогда один человек осмелился откликнуться на вызов здоровяка. Им оказалась златовласая красавица, двух дюжин лет без трети, с загадочным проницательным взглядом небесно-голубых глаз и тонкими нежно-розовыми губами, сложившимися в некоем холодном подобии улыбки.

В голове пройдохи уже созрел подходящий обман. Она не могла состязаться с таким мордоворотом в грубой силе. Нечего было и думать пытаться поднять эту мясистую гору мышц. Значит, придётся действовать, как обычно, хитростью...

Страница подошла поближе к верзиле, внимательно оглядывая его с ног до головы. Черные, как смоль волосы, изумрудные глаза, мощные скулы, широкий открытый лоб и большой прямой нос с благородной горбинкой, под которым красовались короткие черные усы. Губы тонкие, поджатые, зубы ровные и белые, упрямый подбородок, говорящий о твердом характере этого человека, который подтверждал

также и суровый гордый взгляд, сразу привлёкший внимание молодой красавицы. У борца была очень жесткая, местами обожженная кожа с бронзовым загаром. И все же этому мужественному облику кое-чего недоставало – слишком уж простодушным он казался, а значит, вряд ли был достаточно сообразителен и, скорее всего, отличался легковёрностью. И сметливая пройдоха решила этим воспользоваться.

Верзила оторопело уставился на нее – неужели с ним собралась драться женщина? Да к тому же такая хрупкая и тоненькая, как тростник. При других обстоятельствах он счёл бы подобный вызов оскорблением, но в этот миг мог только смотреть, раскрыв рот, не в силах произнести ни слова.

– Ну что, здоровяк, померяемся силой, – усмехнулась она, вкладывая свою худенькую ладонь в его грубоватую лапищу. И тихим шёпотом добавила, – Ничего, что я больна проказой?

Страница бросила эти слова так непринуждённо, что простоватый верзила даже сперва не обратил на них внимания. Но мгновение спустя до него дошёл смысл услышанного, и его тёмно-зелёные глаза испуганно округлились, увеличившись до размера полновесных серебряников...

Сначала он резво подпрыгнул, едва не потеряв запотевшие портки, и попытался вырвать свою руку из хрупких пальцев обманщицы, но она вцепилась в его ладонь такой крепкой хваткой, что разжать её смогла бы, наверное, только старуха смерть. Мысль ударить её и высвободиться даже

не пришла здоровяку в голову – не в его привычках было бить представительниц прекрасного пола. Он отчаянно дёргал руку из стороны в сторону, но златовласка повисла на ней, будто это было самое дорогое, что у неё есть в жизни.

После нескольких безуспешных попыток освободиться, верзила, наконец, сдался и яростно проскрежетал сквозь зубы:

– Что тебе от меня нужно, ведьма!

– Ничего, кроме обещанной тобой дюжины серебром, – тихо прошептала хитрюга.

– Но ты не одолела меня в поединке!

– Соображаешь! – озарила верзилу её лукавая улыбка, – Значит, тебе придётся маленько мне подыграть. Да не трясись ты так! Я отпущу твою руку, если ты упадёшь на обе лопатки и прилюдно признаешь своё поражение. Мне, видишь ли, нужны мои **ЧЕСТНО** выигранные звонкие монеты, которые уже слишком долго засиделись в твоём кошельке.

– Отдам, отдам, только отцепись от меня!

– Откуда я знаю, что ты сдержишь слово?

– Я всегда держу слово! – злобно огрызнулся здоровяк, – Зорн с тобой, мошенница, но эти деньги тебе поперёк горла встанут!

– Не беспокойся за меня, как-нибудь не поперхнусь, – парировала красавица, легонько толкая его, – Давай, падай!

Не очень-то приятно добывать деньги таким способом, но странница давно засунула свою совесть в соответствующее

тёмное место, откуда она не могла помешать ей выживать в этом безумном мире. Хотя обманщица и жалела простодушного верзилу, она убедила себя, что ей деньги куда нужнее, чем ему.

– Я проиграл, – громко прохрипел здоровяк, падая на горячий, прогретый дневным светилком, песок. Но голос его звучал слишком наигранно, благо толпе до этого не было никакого дела. Она устроила целый кавардак криков и разочарованных вздохов, вызванных падением новоиспечённого героя. А кто-то уже начал возносить до небес чужеземку, считая её чуть ли не живым воплощением Отайры-Воительницы, испокон веков считавшейся сильнее и отважнее всех мужчин, вместе взятых.

Пройдоха, довольно улыбаясь, освободила незадачливого верзилу, но тут же жестоко раскаялась в этом. Здоровяк оказался не так уж и глуп, как показалось с первого взгляда, и попытался быстренько испариться. Хотя, возможно, этот порыв в нём вызвала вовсе не жалость к своей скудной мошне, а всё тот же панический страх перед страшной болезнью, который не позволил ему рассмеяться коварной обманщице в лицо, а заставил сыграть по её правилам. Как бы там не было, уйти далеко он не смог – путь преградила возмущенная толпа. Точно так же, как ещё недавно она роптала на городничьего сынка, не желавшего признавать поражения, теперь эта грубая масса людинов взъярилась на уходящего от расплаты силача.

Конечно, все любопытные зеваки были полностью на стороне чужеземки – когда ещё увидишь, что бы такое хрупкое и нежное создание одним лёгоньким толчком побеждало могучего воина. Все так искренне уверовали в её силу, что не могли и мысли допустить о каком-то обмане. И, не смотря на все попытки верзилы предупредить их о грозящей опасности, ярмарочный люд грозно выталкивал его обратно в круг, отвечая презрительными насмешками. Будь, мол, мужчиной и умей признавать поражение! И нечего клеветать на такую обворожительную красавицу, у которой даже на лице сама невинность написана.

– Тихо ты, – прошипела обманщица в самое ухо мечущегося здоровяка, дружелюбно улыбаясь уже почти молящейся на неё толпе, – Не знаешь, как прокаженные выглядят, болван! И где только делают наивных дурачков, верящих в такую чушь?!

Наконец-то до силача дошло, как подло и бессовестно его только что, прямо сказать, надули. Вид у верзилы был наиглупейший – бесхитростные глаза растерянно бегали взад-вперёд, в тщетных поисках хоть какой-нибудь поддержки. Рот изумлённо приоткрылся, и чёрные короткие усики нервно подёргивались, выдавая его смятение. Но толпа отвечала лишь ехидными насмешками и острыми, болезненными шутками. Теперь он стал похож на загнанного в ловушку бера. Дюжины насмехающихся глаз уставились в его изменившееся лицо. Он кожей чувствовал их, как они прожигают его

мускулистое тело, как они осуждающе смотрят, не желая слушать никаких оправданий. В этот момент даже сама коварная обманщица питала к нему глубокое сочувствие. Но она давно научилась не давать воли своим порой губительным чувствам. Простак-верзила был так растерян, что не мог даже вспылать к опозорившей его красавице ненавистью или, хотя бы, обидой.

Здоровяк быстро понял, как он глуп, раз дал провести себя какой-то бабёнке. Но делать нечего, попался на своей доверчивости – будь добр, плати. Не стоит и того больше унижать себя в глазах стольких зрителей. Ему ещё жить и жить с ними в одном городе, думал он, а слухи в Желоме разлетаются быстро.

Верзила не без сожаления достал из-под кушака кошелку, в которой мелодично позвякивали серебряные монеты, и уже было собирался отдать проигранное, быстро смирившись со своим поражением...

Негодующие крики толпы поначалу заглушали громкий топот копыт. Но неожиданно её грубый ропот сменился дикими воплями. Избиваемые бичами люди вмиг расступились, пропуская четверых облачённых в великолепные латы всадников во главе с нагло ухмыляющимся Троллем. На груди каждого из них сияло золочёное изображение величественного ягуара, символа королевской власти. На головах блистали начищенные закрытые шлемы с такими же эмбле-

мами.

Один из всадников, видимо герольд, вынул из седельной сумки желтый пергамент, исписанный чёрными буквами, и громко огласил указ Его Милости Городничего о заключении нахального проходимца под стражу за мошенничество, выживание обманом денёг у честных горожан и гостей славного Джелома, а так же за нанесение оскорбления и урона чести уважаемого и почитаемого человека города и всех его окрестностей, Кэлара из рода Эрберта.

Слушая нелепое обвинение, в котором не набралось бы и капли правды, здоровяк медленно наливался краской. Огрубелые пальцы непроизвольно сжались в кулак. Изумрудные глаза сверлили Тролля горячими лучами презрения. Но сын городничего только ехидно ухмылялся и посмеивался в ответ.

Наконец груда лживых словоизлияний закончилась, и один из всадников, грубо приставив острие копья к груди здоровяка, поинтересовался, сдастся ли тот добровольно или придётся доблестным стражам Джелома применить силу.

Верзила молча опустил руки и понуро кивнул, соглашаясь. Его слово ничего не значило против слова третьего в городе, после Его Величества и своего отца, человека. А многолюдная толпа, которая могла бы вступить за него, мгновенно растворилась, предпочтя наблюдать за происходящим с безопасного и недостижимого расстояния. Потому здоровяк обул башмаки, накинул распашонку и собрался идти, куда

велят.

Но только что обдурившая его хитрюга, возмущённая таким оборотом дел, не осталась в стороне, а решила вмешаться. Обострённое чувство справедливости ещё с раннего детства мешало ей жить спокойно. Хотя все окружающие, исключая ближайших родственников, относили его, скорее, к достоинствам, чем к недостаткам. Она остановила покорно двинувшегося за стражниками верзилу и смело бросила ослабившемуся Троллю.

– Да что я слышу?! Ты, – ткнула она пальцем в городничьего сына, – ты проиграл, и проиграл честно, безо всяких там обманов и ухищрений, описанных в твоей бумажонке. Так какого зорна ты явился сюда со своими вояками? Или ты думаешь, что тебе всё дозволено?

– Да, я так думаю, – нагло ответил Кэллар, кинув на чужеземку гневный взгляд, – И не тебе, девчонка, вставать у меня на пути. Топай своей дорогой и не вмешивайся!

– Что же ты сам тогда не скрутил этого увальня? Неужели струсил?

Но Тролль отнюдь не изменил своего намерения. И даже не показал изумления неожиданным вмешательством весьма привлекательной, но столь же наглой барышни. Он только равнодушно спросил:

– Ты знаешь его? Кто он тебе – друг? Муж? Родич?

– Нет, он просто должен мне только что проигранную дюжину серебром!

Хотя стражники и были в шлемах, странница все равно почувствовала, как удивлённо приподнялись их брови. Троль, конечно же, не поверил её словам, но не желал оттягивать долгожданное мщение и, тем паче, не хотел упускать возможность лишний раз унижить своего обидчика.

– А-а, вот в чём дело! Эй, Джеоф, отдай ей деньги!

– Нет, ты не понял, – хладнокровно улыбнулась голубоглазая красавица, принимая от смущённого силача горсть драгоценных монет, – Ты сей же миг заберёшь своих громил и отправишься восвояси, потому что этот здоровяк одолел тебя в честном поединке, на который ты вызвался сам. А значит, никакого неудовольствия ты проявлять не станешь.

Голос её звучал так властно и спокойно, будто она действительно имела право здесь повелевать. Воинственная свита Кэлара на мгновение даже решила послушаться. Но озлобленный вопль наконец взорвавшегося бурей негодования Тролля вырвал стражников из оцепенения:

– Послушай меня, девчонка! Не знаю, кто ты, но тебе лучше не вмешиваться, иначе мне придётся применить силу!

– А я прекрасно знаю, кто ты, трусливый гадёныш, и, если я применю силу, тебе не удастся отделаться одним лишь оскорблением твоей особы!

Кэлар даже позеленел от такого нахальства. Ещё никто не смел угрожать ему, наследнику городничего, в его собственном городе! А тем более какая-то хилая, пусть и довольно красивая, женщина. Едва не поперхнувшись слюной бешен-

ства, он возопил:

– Схватить! Немедленно!

Дело приняло неожиданный оборот. Страница всегда думала опосля, когда всё решительно оборачивалось не той стороной. Ведь не могла же она спокойно смотреть на такую несправедливость. Одно дело обманывать людей какими-то сметливыми хитростями, а совсем другое – использовать своё высокое положение для неоправданной мести. Это было, по крайней мере, подло.

Резким рывком заступница оборвала подпругу седла ближайшего всадника. Еще двоих сшиб с коней Джеоф, мигом сообразивший, как нужно действовать.

– Бежим! – крикнула нахальная златовласка, и оба со всех ног бросились в глухой переулок.

Толпа, искренне болевшая за двоих отчаянных наглецов, мигом сомкнулась за ними, преграждая путь быстро очнувшимся стражникам. Пока блюстители порядка вновь садились на коней и разгоняли суетящийся люд, беглецам удалось уйти уже далеко. Живая завеса хоть и продержалась недолго – мало, кто хотел попасть под копыта лошадей – но дала им достаточно времени, чтобы затеряться в переплетении многочисленных улиц и улочек. К счастью, у обоих были достаточно длинные ноги, и когда удары хлыста расчистили дорогу преследователям, их добыча была уже далеко.

Златовласка неслась со всех ног, быстрее, чем прежде –

на ярмарке, соревнуясь с толстобрюхими раззявами на одном из игрищ – всё-таки теперь речь шла не о выигрыше, а о спасении шкуры. «И какого зорна меня угораздило вмешаться?» – думала она на бегу – «Вечно сую свой нос, куда не следует!» Она подозрительно взглянула на Джеофа. «А этот-то чего за мной увязался? Ах да, я же сама устроила это сумасбродство! Теперь у него будет еще больше проблем... да и у меня их немало!».

Беглецы уже давно намного оторвались от преследователей. Мимо мелькали красивые богатые здания, торговые лавки, увеселительные заведения. Позже они сменились домиками победнее и попроще, да и сами улицы внезапно сузились и приобрели какой-то деревенский характер. Когда, наконец, окружающий вид превратился в ряды чахлых хибар и лачужек, запыхавшаяся странница решила, что пора бы остановиться и передохнуть, да и верзила, по-видимому, тоже устал. Его сердце бешено колотилось, и не столько от сумасшедшего ритма, сколько от кипящего в крови чувства опасности. Ему не очень-то улыбалось ополчиться против городничего с его вездесущей стражей. Слишком уж хорошо он знал их методы борьбы с нарушителями порядка – сам когда-то участвовал вот в таких же погонях. Только тогда он не думал, что беглецы-то могут быть вовсе и не виновны в приписанных им злодеяниях.

Трижды им приходилось встречаться с дневными патрулями, и каждый раз Джеоф думал, что всё пропало, и они

попались. Но городская стража ещё не была осведомлена об «ужасном» преступлении, и не обращала на двоих запыхавшихся бегунов никакого внимания. Мало ли кто чего мог свиснуть на бурной ярмарке. А бегать за каждым карманником доблестным блюстителям порядка вовсе не улыбалось.

Забрели двое беглецов куда-то на окраину города. Улицы стали неимоверно узкими и грязными. Кое-где, прямо перед порогами лачуг, смердели отходы и помои, выброшенные нерадивыми жильцами. Отовсюду разило запахом грязи, гнили и собачьего пота – бездомные животные также селились подальше от богатых дворов. Перекошенные стены, почти обвалившиеся крыши, поваленные заборы – всё вокруг создавало ощущение неухоженности и запустения.

Беглецы остановились перевести дух возле одной хиленькой лачужки. Но не успели даже толком отдышаться, как совсем рядом, за недалеким поворотом послышался стук копыт. Злобная ругань, сопровождавшая их клацанье и жесточайшие проклятия в адрес «всяких там выскочек» дали понять, что это явились по их души. Как удалось блюстителям порядка отыскать затерявшихся в неисчислимых улочках наглецов оставалось загадкой, но стражники неотвратимо приближались, что заставило сердца бегунов биться втрое быстрее.

Голубоглазая пройдоха рванулась было вперед, но с ужасом обнаружила, что в конце переулочка оказался тупик.

Здоровьяк, по-видимому, тоже это заметил и хладнокровно приготовился к бою, ожидая появления стражников.

Но вояки городничего были вооружены мечами и массивными луками. Колчаны их полны стрел, а к сбруе пристёгнуты крепкие длинные копыя, которыми всадники неплохо владели. Вдобавок ко всему, у них огромный перевес в численности – по перестуку копыт не менее полудюжины. Кроме того, верхом и в железных доспехах они могли уничтожить несчастных беглецов, даже не пуская в ход оружие, оставшись целыми и невредимыми, без единой царапины. Это там, на площади, одолеть их было легко – никто не ожидал встретить сопротивления. Но теперь стражи порядка были готовы и знали добычу. А Троль великодушно даровал им право на убийство...

Стук копыт приблизился настолько, что могучий верзила и прекрасная странница уже могли слышать речь всадников, в которой среди нескончаемых потоков брани различались предположения об их нахождении. Видимо, никто и понятия не имел, куда они скрылись, но, тем не менее, проклиная городничьего сыночка и «всяких там мордovorотов», всадники уверенно правили коней в сторону отчаявшихся беглецов, не останавливаясь и никуда не сворачивая. Им, «денно и ночью работающим стражам порядка» вовсе не доставляло удовольствия носиться по всему городу, обнюхивая каждый вонючий переулочек, за осквернителями городничьей особы, которые, если разобраться, как следует, вовсе ничего

и не оскверняли. Похоже, стражники сами уважали Кэлара лишь по долгу службы. Самого его с блюстителями порядка не было, как поняли затаившие дыхание беглецы. Несколько раз откровенно прозвучало, что нерадивый отпрыск градоправителя заслуживает крепкого удара в морду лица. И желательно ногой.

Вероятно, так и попали бы оба в джеломскую темницу, где гнить бы им, пёс его знает, сколько времени, кабы не один добрый человек, появившийся в дверях хиленькой лачужки и поманивший приготовившихся к бою беглецов пальцем. Только его милостью им удалось сохранить свободу и, возможно, жизнь. Страница, не задавая лишних вопросов, тут же рванулась к невысокой дубовой двери и потянула за собой растерявшегося здоровяка, уже приготовившегося к доблестной смерти в бою.

Дверь лачужки захлопнулась за ними как раз вовремя. Стражники мигом позже вылетели из-за поворота на своих вороных. Проскакав по улице вплоть до самого последнего дома и, никого не найдя, унылые от безуспешных поисков всадники воротились обратно. Чей-то грубый голос произнёс: «Зорн! И тут пусто! Как сквозь землю провалились!» На что другой ответил: «Нам же легче. Дурное это дело – лишать свободы того мужика. Да и девчонка тоже заслуживает уважения. Не каждый мужчина наберётся такой храбрости». А третий добавил: «Его зовут Джеоф. Он раньше служил у короля, командовал дюжиной, затем и гроссом. Потом го-

родничьему отродью он стал неугоден, и тот сделал так, что его вышвырнули на улицу. Догадываюсь, что у него за счёты с Его Светлостью Троллем».

Вскоре притаившиеся за дверью лачуги беглецы услышали удаляющийся перестук дюжин копыт.

Мерлин

Старика звали Мерлин. Он занимался алхимией – ремеслом увлекательным, но крайне опасным. Прежде седовласый старец состоял при дворе короля Артура и по праву считался первым чародеем Соединённого Королевства. Старший советник Его Величества и ректор Волшебной Лектаты ⁷ – этот человек обладал огромной властью и уважением. Но злые языки оклеветали чародея перед королём, представив малефиком ⁸, общающимся с нечистой силой. Чужая зависть часто губила хороших людей. Так произошло и с Мерлином. Сказалось так же, что в землях храбрых, но простых, как солома, ариев ко всякой волшбе всегда относились с опаской и недоверием. Здесь колдунов не жгли лишь потому, что их защищал светлейший британский престол... Да и не хотелось связываться со всей мощью Лунного Сияния, из которого могли явиться отплатить за своих. К тому же и польза, какая-никакая, от волшебников да была. Но стоило лишь прокатиться лёгкому слушку о том, что такой-то из них занимается чем-то помимо лечения недугов, да потешных фокусов, как его тут же гнали взашей. И старались

⁷ Волшебная Лектата – учреждение волшебного образования Соединённого Королевства Ариев в Джеломе.

⁸ Малефик – колдун, использующий запрещённые чары, считающиеся «злыми».

ещё как можно подальше... И чем сильнее он был, тем паче его боялись и тем дальше гнали.

Но Мерлину дозволили оставаться в городе, хотя и на правах нищего знахаря. Многим он успел сделать доброго, поэтому вечно жаждущая крови толпа не только не потребовала его изгнания, но даже испросила некой благосклонности Его Величества для опального чародея.

Дела алхимика тут же пошли в убыток – кому охота связываться с чёрным малефиком. Артур, хотя и не казнил его, в память о старой дружбе, да по просьбе простого люда, но и помогать ничем не собирался. Должности советника Мерлин, конечно же, сразу лишился, а почти всё его имущество было отписано королевской казне. Свой огромный дом с прекрасной лабораторией он сменил на хилую лачужку, в которой и жил теперь со своим учеником Олвином.

Мерлин оказался мощным стариком с густой седой шевелюрой и белёсыми бровями, накатывающими на глаза. Прямой огромный нос и иссохшие губы утопали в длинной бледновато-серой бороде, а глубоко посаженные ярко-зелёные глаза смотрели с его морщинистого лица одновременно сурово и мягко. Лоб и руки старца сплошь покрылись морщинистыми трещинками, но, несмотря на это, чародей не утратил былой стати. Высокий рост, крепкое телосложение, уверенное выражение лица, однозначно говорили, что Мерлин вовсе не собирается уходить из жизни. Весь его облик создавал впечатление древнего могущества.

Олвин – полная противоположность учителя – молодой парнишка дюжины с четвертью лет, невысокого роста и невыразительного телосложения. Карие веселые глаза, курносый нос, открытый лоб, упрямый подбородок и множество веснушек на широком лице. Все это чудо венчали рыжие, как огонь, волосы, похоже, вовсе не знавшие гребня, и широко оттопыренные уши. С виду казалась бы – дурачок дурачком, но за веселой искоркой глаз скрывался гибкий ищущий ум и любознательность, выдаваемая внимательным взглядом.

Первым делом Мерлин пригласил случайных гостей к столу. Несмотря на явно небогатый образ жизни, трапезничали ученик с учителем на славу – не даром алхимика, там и до поварского дела недалеко. Кашеварное искусство старца придавало повседневной джеломской пище вкус, не уступающий известным деликатесам. А специям, явно кустарного производства, мог бы позавидовать любой королевский двор. Даже обычная рыбная похлёбка с ароматным хлебом показались страннице достойными её прежней кухни, не говоря уж о верзиле, тоже нечасто выдававшему мясо за своим столом.

Когда гости перекусили и отдохнули, Мерлин угостил их терпким элем, сваренным по его собственному рецепту, если верить словам старика. И, наконец, попросил насытившихся и расслабившихся беглецов поведать о своих неприятностях.

Как выяснилось, они почти не были знакомы, что удивило Мерлина. Редко в нынешнем мире встретишь такое, что-

бы кто-то вступался за чужого ему человека, до которого, собственно, не должно быть никакого дела. Поэтому старика очень заинтересовала загадочная чужеземка, прибывшая, по-видимому, с далёкой полуночи.

– Меня зовут Ланс, – представилась она, – Я...с полудня...

– Из Веспера? – подозрительно спросил старик.

– Да, именно из этой деревни... только родом я не оттуда, – честно ответила красавица, не отводя глаз от пристального взгляда Мерлина – В Джелом меня привела злокозненная судьба. Я странствую. Ищу своё место в этом мире.

– И порой путь заводит туда, где совсем не хотелось бы оказаться? – усмехнулся верзила. Он смотрел на спасительницу недоверчиво, зачем она говорит, что с полудня, когда выглядит как типичная уроженка полуночи. Но здоровяк признавал, что это дело её, и не стал задавать лишних вопросов, – А моё имя Джеоф. Я вырос здесь, в этом городе, в неродной семье, хотя мои давно усопшие родители родом из далёких мест.

– Я буду звать тебя Громилой, – улыбнулась Ланс, – Как тебе такое прозвище?

– Тогда я буду звать тебя Пройдохой, – мигом отплатил Джеоф.

– Как там поживает старина Ди? – поинтересовался Мерлин.

– Ты говоришь о вожде Амানে? При последней нашей

встрече он был жив и здоровёхонек, как бер. Даже хотел проводить меня до рубежей владений веспов, но я отказалась.

– Добрая весть. Продолжайте.

Джеоф закончил повествование громким ругательством в адрес Тролля и всей его свиты.

– Да-а, Громила. Умеешь ты себе врагов наживать, – лукаво усмехнулась златовласка, словно она здесь совершенно ни при чём, – Чего ты с ним не поделить-то умудрился? Видать же было, что не впервой нос к носу сходитесь?

– Да, были прежде стычки... – угрюмо отмахнулся Джеоф, всем видом показывая, что не хочет об этом рассказывать. Но от голубоглазой красавицы было не так-то легко отделаться.

– Ты давай, выкладывай. Раз уж вместе в это дело ввязались – видать и выпутываться придётся вместе. Где ты ему дорогу перейти умудрился? Тролля этот, вроде, из знатных будет, а ты хоть здоровьем вышел, а одно людин.

– Да... Война тут была однажды. Ты не местная, так вряд ли знаешь. А вот почтенному старцу должно быть известно...

Старик слегка приподнял одну бровь, Ланс даже не успела заметить – левую или правую, и неспешно кивнул головой, выразительно глядя на рассказчика.

– Да, было дело...

– И что на войне? – нетерпеливо напомнила чужеземка

верзиле, не отрывающему изумлённый взгляд от старца.

– Да, почтенный, уж и задали мы тогда им трёпу! – изумление во взоре Джеофа перешло в восхищение – явно признал в седовласом старике кого-то из героев тех лет.

Но странницу мало интересовали местные стычки одних скотоводов с другими. Или даже землепашцев со скотоводами. Поэтому она попросила верзилу вернуться к важной в их нынешнем положении фигуре – Троллю.

– Я тогда командовал дюжиной славного королевского войска, – вспоминал здоровяк, явно не без удовольствия, – А случилось так, что засели мы в глухом болоте с дружиной доблестного сэра Генри, что командовал передовым отрядом. Вернее, засели-то они, а мы там дозор несли с ребятами. Хоть и зелёный я был, как щенок тогда, да болота те уже знал, как свою пятерню.

– И твоя дюжина вывела из болота отряд сэра Генри? – поторопила Ланс, не желая задерживаться на подробностях.

– Ну, так и было, – с явным неудовольствием, что его прерывают, хмыкнул Джеоф, – а потом сэр Генри налёт задумал в стан противника, значит...

На этом месте губы старика стянула тревожная улыбка, хотя заметил её только верзила.

– Что-то вроде стремительного броска. Небольшим отрядом, дюжин пять дружинников, пара-тройка разведчиков, проводник, да кудесник.

– Догадываюсь, кто был кудесником, – вставила странни-

ца, поглядывая на старого чародея.

– Ошибаешься. Кудесниками вояки простых лекарей зовут, – пояснил старец.

«А ты, значит, не простой...» – мигом отметила для себя Ланс.

– Точно! – согласился Джеоф, – я и говорю – кудесник. Так вот и вспомнил тогда сэра Генри обо мне и моих ребятах и о схватке с вражиной на том болоте... Меня спешным указом в гроссовики⁹, дают под начало весь состав группы, надо мной только два командира...

– Стой, почему два? – не поняла златовласка, – Там же сэр Генри один был. Откуда второй взялся?

– Не, двое их шло, рыцарей-то, от самого Круглого Стола, что при дворе Его Величества. Сэр Генри, Львиное Сердце и молодой сэр Дэвид, Светлый Крестonosец. Тогда он мне сперва зелёным показался... Думал, тащить его придётся на себе всю дорогу... Ан нет – крепкий парень вышел. И духом, словно сталь, и телом не слаб... А когда он ещё и принцессу вытащил...

– Ага, принцессу? – заулыбалась Ланс, – Прямо как в волшебной сказке! О доблестных рыцарях, что вырывают прекрасных принцесс из лап жутких драконов...!

– Да не было там никаких драконов! – возмутился Джеоф, а чародей, почему-то ехидно так ухмыльнулся, – Ты дашь закончить, или уже не надо?

⁹ Гроссовик – командир гросса дружинников.

– Ладно, продолжай, – весело ответила златовласка.

Но рассказчик, собиравшийся долго и красочно описывать поход, явно потерял настроение и грубо пробасил.

– В-общем, меня в тот отряд взяли вместо Его Сиятельства Тролля, который тогда ещё меч толком в руках удержать не умел. А сэр Генри тащить на себе лишнюю обузу явно не собирался – вот и высказал его папаше в лицо, что думает о сыночке... Ну, и затаил он тогда обиду...

– Ясно, зависть значит, штука чёрная...

– Да и не только это. Дочку ведь королевскую доставать шли. Он чего туда и рвался – думал, за него всё сделают, а он с принцессой вернётся такой отважный и доблестный... Когда мы ушли, он поскрипел зубами, да и смирился – ну не свезло, всякое бывает. Да только сэр Дэвид-то как пленников вытащил, отправил меня и оставшихся в живых ребят, ещё из моей старой дюжины, обратно, со спасёнными в замок. А сам с сэром Генри двинулся дальше, ещё по каким-то неизвестным нам делам, где уже и не маленькой группкой надо, а и вовсе вдвоём. Ну, я у начальства разъяснений не спрашиваю. Сказано – доставить, значит нужно доставить. Хоть кровью изойдись. Там путь-то уже подчищен был нами, ещё когда туда шли, но и на обратном тоже досталось. В целом – кое-как втроём доковыляли, все в крови, зато пленников вызволенных доставили в целости и сохранности, как и велели.

– А Тролля здесь при чём? – не удержалась Ланс.

– Вот ведь вредная женщина! – возмутился Джоэф, у ко-

того уже почти начало подниматься настроение, пока его снова так бесцеремонно не испортили, – В общем, на беду принцесса без памяти была основную часть пути. Говорят, зачарована, а по мне так просто её какой-то дрянью там кормили. Простой человек выдержит, а их голубой крови во вред, видать пошло. Вон, алхимику почтенному виднее, что там и с чем ре... как его там?... регенерирует вроде?

– Реагирует, – улыбнулся алхимик, – да, голубая кровь ко многим вещам уязвима...

– Вот и я про то же. Встречает нас, значит, на подходе этот... сэръ Кэлар Эрберт, будь он не ладен... и ехидненько так предлагает ему принцесску спихнуть. Золото какое-то, поместья даже давал... мол, если скажем Его Величеству, что это он-де, Тролль Бесстрашный её из плена вытащил...

– А ты, конечно, пожадничал?

– Да не для себя ведь! За сэра Дэвида обидно – он старался, обливался кровью и потом, а тут какая-то мразь будет славу за него стяжать! Да и дочку королевскую!

– И полцарства в придачу! – задорно подхватила Ланс.

– Да полцарства только в сказках дают... А тут и принцесска-то сама – та ещё баба, даром, что кровь голубая! От такой никакой мужик не откажется...

– И ты не отдал? – подвела итог странница, недовольно морщась от таких отзывов о королевской дочери. Сама далеко не дурнушка...

– Ну, настроение тогда хреновое было... Мы только, ска-

зять прямо, из пекла, ещё раны залатать не успели... А этот гадёныш со своей подлостью лезет! Так и послал я его куда подальше.

– Послал? А подтолкнуть ещё не догадался?

– Ну... врезал ему пару раз, бровь разбил, губы вдребезги... Зато он смог боевыми ранениями похвастать перед папочкой – один же зорн, не сказал, гад, кто его так отделал!

– Понятно... Да, подцепил ты себе головную боль на всю оставшуюся жизнь. И как только жив до сей поры?

– Да так и жив. Когда сэр Генри с сэром Дэвидом воротились, нас с ними за компанию чуть ли на руках не носили. Там и свадьбу сэр Дэвид сыграл с дочкой королевской – вот Троль зубами то скрипел, да всё даром! А потом молодожёны куда-то на полночь укатили, да так и не слыхивал о них никто после... А сэр Генри понемногу начал власть терять – не управитель он, а вояка простой, хоть и знатный. Потом вон и почтенного Мерлина недруги сместили, помню я то недоброе время... с той поры всякой мрази к королевским ногам поналезло, а такие, как Троль снова головы подняли! Меня первым же делом пинком со службы, ладно голову ещё не оттяпали, а ведь собирались... Но Его Величество запретил трогать героев той войны. Знал бы он, какая ехидна нынче на его груди притаилась!

После долгой выразительной паузы, Джеоф тихо добавил.

– Ну, с Тролем бороться можно. Трудновато, конечно, но можно. А в тяжком случае – по голове оглоблей и драпать из

города так, чтобы только пятки сверкали!

– Можете спокойно укрыться здесь, – медленно проговорил Мерлин, выслушав подробный рассказ злостных нарушителей порядка, постоянно перебивавших друг друга и не прекращающих ругать Кэлара последними словами, – я не продам вас городничьим прихвостням и его сыночку. У меня с ними тоже есть кое-какие счёты...

Голос старика звучал загадочно и странно, но случайные гости решили не беречь, по-видимому, тяжёлую рану на сердце алхимика. Вместо того они увлекли его любопытными расспросами о его собственной жизни. А поведать он мог многое, и о дворцовых интригах, и о магии, и о той памятной войне, почему-то никогда не упоминая о том, с кем же именно они воевали, называя противника просто «врагом», на что Джеоф значительно так кивал и только ухмылялся. Но, почему-то, говорить о своей жизни до Джелома старик не хотел. Сказал только, что родился он далеко отсюда, а на полдень его занесла та же проруха-судьба, что помогла двоим беглецам оказаться в нужный миг у двери его дома.

А хиленькая лачужка Мерлина внутри оказалась на редкость уютной. Чистые сени, с аккуратно уложенными в дальнем углу вязанками дров и развешенными по стене тёплой одеждой и рыбацкими снастями. Гостевая, служившая так же и спальней, освещалась широким с резными ставнями оконцем, над которым крепилось свёрнутое рулоном шер-

стяное одеяло, укрывавшее щели в нечастые здесь холодные дни. Деревянная лестница в углу вела под крышу, в горницу, где ученик с учителем занимались своей алхимией, а так же различной домашней работой. У стены расположилась массивная выложенная камнем и глиной печь с полатями в два яруса, на которых спали хозяева, и брусом для сушки одежды. Кухонная утварь прилежно расставлена в нишах печи. Стены обиты тонкими, приятно пахнущими ясенем дощечками. Устеленный крепкими досками пол укрывает тёплый узорный ковёр. Посреди невысокий, ладно скроенный и всё ещё пахнувший лесом стол, под которым лаз в подпол, где хранились запасы еды и прочие пожитки. Под лестницей небольшая тумба, на которой красовалась загадочная четырехгранная пирамида с блестящим, напоминающим серебро покрытием. Никоем прочим убранством и в помине не пахло, если не считать грубых войлочных подушек для сидения за столом. Этот дом, по всему своему виду, уже давно не знал заботливой женской руки. Хотя назвать грязнулями его с головой окунувшихся в изучение мира сущего обитателей было нельзя. Скорее неряхами – многочисленные склянки, пробирки и колбы, встречающиеся порой в самых неожиданных местах, открыто выдавали рассеянную безалаберность хозяев лачужки. Тем не менее, по всюду разила сияющая чистота, наведённая старательной рукой старого алхимика и его подмастерья.

Уличная дверь невзрачная, но крепкая, выточена из цель-

ного бревна могучего дуба и украшена покосившейся ручкой. Задняя, укрытая пологом, вела в небольшой дворик, где алхимики выращивали скромный урожай и собирали плоды старой вишни. Там же находилось отхожее место.

Жили ученик с учителем, в основном, продаваемыми старым алхимиком снадобьями от разных недугов, хворей и даже лихорадок. Иногда ему самому приходилось посещать больного, когда какой-нибудь не встающий с постели бедолага взывал о помощи, корчась в муках. Как правило, к нему обращался беднейший люд – разжиревшие богачи предпочитали нанимать повсеместно прославленных лекарей-мастеров, требующих соразмерную своей известности плату. Но приходившие к Мерлину никогда не жалели, что не в состоянии оплатить услуги таких врачевателей. И громко восславляли седобородого чародея по всем дворам Джелома.

Иногда к нему являлись посланники от знатных путешественников из далёких земель. Гости города, попав под влияние какой-нибудь местной заразы и отчаявшись уже отыскать средство её исцеления, спрашивали приставленных слуг, нет ли у них какого местного знахаря. И все в один голос называли имя Мерлина. Порою и местные богатеи, уже лишившиеся всякой надежды рисковали к нему обратиться. И великодушный старик помогал всем.

Хотя своими снадобьями и наговорами Мерлин был известен чуть ли не всем и каждому в городе, большинство джеломцев предпочитали держаться от него подальше – изгоев

в Джеломе не слишком-то читили, страшась вызвать королевский гнев без особой нужды. Поэтому мало кто знал его в лицо, хотя имя опального старца частенько произносили шёпотом сидя у печи и обсуждая городские новости.

Дважды заявлялись стражники, тщетно искавшие двоих беглецов по всем домам и хибарам города. Но Мерлин предусмотрительно прятал их в задних сенях, и разочарованные блюстители порядка уходили с пустыми руками. Как оказалось, старик мастерски наводил иллюзии и докучливые посетители попросту не видели выхода ко двору – в их глазах он казался обычной стеной. А быть более назойливыми в отношении чародея и выказывать ему подозрения городские вояки не решались, порядок то он порядок, а вдруг грозному старцу не престанет нарушить его во имя своего спокойствия. Ведь отсутствие в доме выхода на двор ещё не говорит о злом умысле – он мог быть и в горнице. Но проверять это никто не набрался смелости.

Однако высовывать нос из лачужки старика оба пока не решались – Троль не оставит поисков так скоро и всё ещё грезит жестоким отмщением за оскорбление своей особы.

Старик с радостью разрешил им пожить пока у него, не уставая повторять, что враги городничего – его верные друзья. Хотя и златовласой красавице и верзиле Джеофу было совестно отягчать и без того не слишком богато живущего алхимика своим присутствием, но иного выхода не

было. Можно, конечно, попробовать прорваться из города, снося все встречные заставы, но не в правилах Ланс было оставлять за спиной горы мёртвых тел, когда спасаешься бегством. Здоровяк же и не рассчитывал на успех такой решительной попытки. Поэтому оба согласились подождать, пока накалившиеся страсти мало-помалу улягутся, и славная джеломская стража частично утратит свою неусыпную бдительность. Благо, у старика нашлась пара лишних настилов с одеялами и место у печки.

Тем не менее, беглецы понимали, что уходить из Джелома рано или поздно, но придётся. А Ланс так вообще была здесь мимоходом. Слишком уж явно они отличились, что бы надеяться затеряться в шумном людном городе и снова начать полноценную повседневную жизнь. Ссоры с «сильными мира сего» чреваты тяжёлыми последствиями.

Несмотря на весь боевой задор, в котором нарушители порядка грозились стереть заносчивого Тролля в порошок, сидя за стенами уютного домика Мерлина, с первых же попыток выяснить, как можно подступиться к нахальному сынку городничего, оба поняли, что не с их рылом в это соваться. И даже старый чародей, ещё не утративший некоторые прежние связи, о которых толком так и ничего не рассказывал, ничем не мог помочь отчаянным головам, решившимся вот так просто взять и покончить с одним из самых влиятельных людей в Джеломе.

Поэтому оставался единственный путь. Тот самый, кото-

рый всегда есть в запасе, когда все остальные способы уже перепробованы, но не увенчались успехом. Путь, который и решили избрать двое нерадивых нарушителей порядка – драпать. Но вот когда и куда именно так и повисло вопросом в воздухе...

Два дня спустя, после вечерней трапезы, Ланс осторожно завела назревающий разговор.

– Уходить надо из города...

– То верно, – охотно подхватил Джеоф, – негоже нам сидеть на шее почтенного старца. От всего сердца тебе благодарен, старик, за кров и пищу, за то, что укрыл нас от прихвостней Тролля, будь он неладен. Но пора и честь знать. Думаю, как стемнеет, уйдём на полночь.

Мерлин задумчиво помешивал какое-то варево в широком глиняном горшке, и глядел куда-то вперёд, сквозь весь мир, периодически приподнимая одну бровь. Наблюдательная Пройдоха уже просекла, что это признак глубокого раздумья.

– Рано ещё, – наконец прервал он затянувшуюся паузу, – Вы мне не в тягость, поживите, пока всё не уляжется. Олвин прошлым днём ходил к полуденным вратам, дозор там усилен, не в пример обычному. Видать, поджидают вас, чай тоже не глупые.

– А восходные?

– Уверен, то же самое. Отправлю Олвина проверить, как

появится. Выждать вам надо, ребятки, нечего зря рисковать.

Джеоф задумчиво отхлебнул эля из большой деревянной чарки, и резко встал.

– Будь по-твоему, старик. К воротам пока соваться опасно, нюхом чую. Но займи нас хоть делом каким, чтоб нам даром хлеб не есть. Я ж не только драться мастер, руками работать умею. Крышу вон справить могу, а то совсем покосилась уже. Али стены ровнять, дрова колоть, воду носить, на худой конец. А то сидим тут, как птицы в клетке, жрём, да чирикаем изо дня в день!

Ланс непроизвольно улыбнулась. До чего же простодушным выглядел этот здоровяк. Но в чём-то он был прав, сидеть на шее у нищего старика ей и самой было неуютно.

– Окстись! – рявкнул Мерлин, да так, что растерявшийся верзила тут же опустился на место, – Нельзя вам носу показывать на улицу. Соседи увидят кто, вдруг донесут, а тогда и меня с вами заодно загребут, давно уже по игле хожу. Узнает кто, что беглецов укрыл – доживать мне свои дни в дебрях Лесоповала. Это если сразу голову не оттяпают. Так что за дверь ни ногой. Сидите тихо, пока не поуляжется, там будем думать, как вас из города безопасно вывести.

– Это да, не подумал... – промямлил Джеоф.

– Думать – не твоё призвание, – усмехнулась Ланс, – Мерлин прав, увидит нас кто – ему несдобровать. Так что, Громила, сидим и чирикаем, пока наш добрый хозяин не скажет, что всё улеглось.

Ещё полдюжины дней беглецы жили у Мерлина. Днём помогали ему по дому и двору, пололи сорняк, кололи принесённые Олвином брёвна на дрова, даже подправили ограду, подогнав дощечка к дощечке и стянув косыми прутьями для крепости. Громила даже умудрился справить крышу, не высовывая носу наружу, работая из горницы. Олвин помогал сверху, заливая тщательно подогнанные доски какой-то вязкой жижой, быстро затвердевающей и защищающей дом от проливного дождя получше всякой глины.

А вечерами слушали увлекательные рассказы Мерлина о далёких землях, минувших годах, о чарах и об истории Британии. Но о себе самом он рассказывал очень мало. Правда, за это время они узнали, что алхимик, кроме прочего, был ещё и изобретателем, причём, как он, не хвастая, сообщил, довольно известным в высоких кругах. Большинство измышленных им приспособлений остались далеко от Джелома, в земле его молодости, как выразился старик, многие были отписаны королём различным ремесленникам и торговцам, что-то предано запрету и сожжено. Но некоторые, те, что удалось спасти от жадных рук придворных подхалимов, и сооружённые им уже при жизни в бедной лачужке, оставались целы и невредимы.

Был тут, например, агрегат, размягчающий обычные булыжники в вязкую массу, из которой можно было ваять, как из глины, только после затвердения изделия получались

прочнее всякого камня. Был и какой-то странный очиститель воды, состоящий из причудливой кастрюльки, извилистых трубочек и колбочек. Откуда-то с задней ниши печи старик вытащил грубоватое сооружение, напоминающее мясорубку, напичканную множеством стёклышек, выдутых в неправильной форме, и непонятного предназначения рукояток. С помощью этого приспособления, гордо заявил Мерлин, можно наблюдать мелкие предметы увеличенными во много раз. Джеоф попробовал посмотреть сквозь этот «мелкозор» на лоскуток отшелушившейся с его ладони кожи, и мрачно пробурчал, что лучше бы старик ошибался.

Было и множество других приспособлений, должных облегчать жизнь тружеников всяких направлений. Малые и большие, простой и сложной конструкции, неимоверно полезные и не очень безопасные, но все гениальные и необыкновенные.

Олвин целыми днями носился по городу, то разнюхивая обстановку для гостей, то выполняя поручения старика, то по насущным домашним делам, и лишь к сумеркам присоединялся к компании за вечерней трапезой и рассказами Мерлина. Порой они оживлённо спорили, углубляясь в изыскания своего дела и обильно разбрасываясь незнакомыми гостям словечками. Порой удалялись в горницу, где тревожно переговаривались вполголоса, так, что временные постояльцы не могли разобрать ни слова.

Ученик алхимика оказался весёлым и общительным юношей. Почтительность к учителю не мешала ему время от времени делать колкие замечания, когда старик ошибался в рассказе или сбивался с мысли. Но шутил он по-доброму, поэтому Мерлин лишь напускал грозный вид и сулил суровые кары за вмешательство в его речь, после чего сам заливался добродушным смехом.

Вечером очередного дня старик, усадив гостей и ученика за стол, поведал им трагичную и невероятную историю своей увлекательной жизни.

Сага Чародея

«Родился я далеко отсюда, на полуночи, в городе под названием Лунное Сияние в низовье Великой Реки. О! Это славный город! Город магов, колдунов и чародеев. Сам воздух в нём насыщен изобилием ню ¹⁰! Там даже беднейший сапожник немного знаком с искусством плетения чар.

С раннего детства, как и все жители нашего славного города, я обучался волшебству. И, скажу, не хвастая, учеником я рос очень способным. Оно и не удивительно – мои родители, почтенные Эйлина и Юлтар, чтились среди величайших чародеев моей родины. Они занимали почётные места в Лунном Собрании, и сам архимаг Магларус внимал им и следовал их совету.

Я так быстро все схватывал, что в дюжину лет уже вступил в права «иллюзиониста», а в полторы – «волшебника». А это, надо сказать, было великим достижением для подростка тех лет. Многие мои сверстники сгорали от зависти и частенько пытались строить мне пакости своими примитивными заклятьями, но мое мастерство и посох волшебника помогли справиться со всеми завистниками.

И вот, наконец, мне исполнилось две дюжины лет – День

¹⁰ Ню – мера инертности силовой плотности, являющаяся продолжением вещества в уплотнении реальности и его первопричиной. Поскольку в той же плотности лежит разум, используется для сотворения чар и заклятий.

Второго Взросления – так у нас называется переход подростка в более осознанный возраст. И в тот же день я получал посох мага! Это был мой первый большой успех! На памяти архимага Магларуса не было ни одного мага младше трёх дюжин лет, даже мой почтенный отец достиг этого права лишь четырьмя годами боле. Я заслужил высокое уважение и восхищение своих сограждан. Предо мной открылись широкие возможности искусства Магии, и я старался постичь глубину их до самого дна.

Тогда же я поставил себе цель заслужить право именоваться колдуном. Я старался, как мог, мои изыскания в магии открыли сие явление в новом свете даже многим опытным чародеям, и по сей день новичков обучают так же и по моим трактатам. Я нашёл способ использовать магию в новой, ранее неизученной области и сотворил множество небывалых ранее чар. Я получал признания одно за другим: «маг низкого искусства», «маг приподнятого искусства», «маг срединного искусства»... «маг высокого искусства». И, наконец – «маг высшего искусства». Мой посох накапливал ню, и мне становились доступны все более и более могущественные чары... но, к сожалению, только сфер Магии, Волшебства и Иллюзии. Допускать к Колдовству меня почему-то не желали...

Время шло, и мои успехи требовали признания, а кто-то наверху очень не хотел, чтобы я его достиг. Моя любезная матушка имела множество врагов в высших кругах, и, веро-

ятно, они препятствовали моему развитию. Наверное, потому придумали особое признание – «маг, достигающий искусства колдуна», которое я незамедлительно получил.

Магия – это, конечно, хорошо. Но только для зелёного сопляка, мечтающего превзойти сверстников своим умением, да покрасоваться впечатляющими стихийными чарами, вроде огненных шаров и водяных плетей. А мне требовалось больше – я не собирался становиться простым магом по найму и в глубине души метил на местечко в Собрании. И я твёрдо собрался доказать этим, наверху, кто бы они не были, что рановато они хоронят моё развитие! Мои почтенные родители тем временем отправились в далёкое путешествие, на поиски одного из величайших чародеев, Яна Нордолина, и пропали без вести. Без их поддержки мне стало очень сложно противостоять сильным мира сего, всё ещё мстящим мне из вражды к моему отцу и матушке.

А началась в ту пору Ледяная Война. Да-да, я жил в то время и еще только-только вступил в Третье Взросление, что начинается в четыре дюжины лет. Жители Лунного Сияния живут гораздо дольше, чем остальные люди... Так вот, началась кровопролитная война с одним из Высших. Союзные силы Британии были обречены на разгром и гибель. Наши войска смогли остановить полчища диких горцев, орков и даже скреперов, но совладать с Ледяной Дружиной не был в силах никто. Множество славных героев погибло, пытаюсь покончить с этой напастью. Реки крови заливали густые ча-

щобы Полуночного Леса и чистые улочки Канделлома, принявшего на себя первый удар. В решительном бою на Плато Таригола британцев ждал окончательный разгром... А еще Скалистые... Нынче и ребенок знает, что нужно всего лишь разбить маску на их тупом лице, но тогда...

Мы несли такие грандиозные потери, каких не бывало еще ни разу за всю историю со времён Войны Ветров. Пешие и конные падали под ударами выкованных изо льда и камня мечей и огромных сокрушающих молотов. Наши прославленные нюеи¹¹ ничего не могли поделаться с крепчайшим заклятием, наложенным на ожившие ледяные изваяния и подобные им порождения из цельного камня скал. Зачарованный лёд не брало даже самое жаркое пламя, сотворённое мастерами стихии огня. Ведь против мощи даже слабейшего из Высших не выстоят все чародеи мира, вместе взятые...

Но случилось так, что три храбрых орка, сражавшиеся на нашей стороне, нашли способ бороться со Скалистыми. Отважные были ребята... Позже удалось найти и слабое место Ледяных... На наше счастье оно оказалось почти тем же, здесь Высшие не отличились богатой фантазией.

Один смельчак в отчаянии ударил ледяного воина копьем в глаз. Не проронив ни звука, тот растаял, успев, к несчастью, прикончить храброго малого. Но начало было положено. Наши войска из глухой и бессмысленной обороны перешли в резкое, активное наступление. Сражение на Плато Таригола

¹¹ Нюеи – тот, кто способен использовать ню.

вместо окончательного поражения обернулось первой победой. Мы громили врагов повсюду, где только могли догнать, и войска Повелителя Туманов и Льдов спешно отступали, укрываясь от стремительных мечей британских витязей и забиваясь поглубже в свои ущелья в Полуночной Гряде. На подмогу нам явилась доблестная дружина ариев, наконец-то преодолевшая огромное расстояние от Джелома к полуночи Британии. И их появление оказалось вовсе не запоздалым, ибо наши силы были уже на исходе, хотя мы и гнали захватчиков повсюду, не давая им покоя.

И тогда появились Туманные Волки... О-о-о! Это были страшные создания – порождения вечного холода и мрака! В брызжущих свирепой слюной пастях они несли смерть! Долгое время выращивал их Туманный Повелитель в своих мглистых чертогах, долго он держал их в голоде, высвободившимся, наконец, на свободу... В мгновение ока мы были повержены, раздавлены и разбиты... Даже надежда на чудо умерла во многих сердцах...

И пришло наше время – время чар и заклятий! Черный Ястреб – придворный чародей тогдашнего государя Британии – собрал сильнейших нудеев от каждой из семи основных сфер... оставшиеся он разумно решил не привлекать.

Я, как и все боеспособные маги Лунного Сияния, сражался с другими на поле боя, вкушая ярость схватки и солоняватый вкус собственной крови, струившейся по щекам с рассечённого лба. Меня вырвали прямо из драки, заверив, что

в команде Ястреба я окажусь для Британии полезнее целого войска. И вот я был принят в эту славную кампанию представителем Магии.

Сам Ястреб являлся величайшим из всех, кого я знал и о ком когда либо слышал, в сложнейшей и опаснейшей сфере Пси. Нас собралось семеро – сам великий магистр, я, Глорофор от Иллюзии, Элеанор от Чародейства, Борозон – представитель Мистики, Полифой от Волшебства и Хлор от Колдовства. Не вдаваясь в подробности, скажу, что нам удалось состряпать такое заклятие, что Туманные Волки бежали, поджав хвосты и жалобно поскуливая, не внимая велениям своего господина. Но яростный поток нагнал их и развеял по ветру, не оставив даже воспоминания об их существовании! Многие в тот день были отмщены, и многие избежали неминуемой гибели.

Повелитель Туманов и Льдов остался один, но драться с Высшим – все равно, что добровольно спуститься в исподнюю¹². Мы не могли считать свою победу полной и надеялись только, что на помощь нам придёт кто-нибудь из Высших, не таящих злобной ненависти ко всему людскому роду.

И наши неустанные молитвы и прошения превзошли все ожидания, найдя отклик в сердцах Высших. Повелитель Льдов позорно заперся в своем замке, дрожа от страха и возмущения и скрипя зубами от злости. Больше о нём и по сей день ничего не было слышно.

¹² Исподняя – мифическое место обитания демонов.

А мы праздновали громкую победу. Сам Черный Ястреб вручил мне посох колдуна, и никто там, наверху, уже не был в силах чинить мне препятствия. Его же провозгласили главою всех нудеев Британии – Чудотворцем. Этого воистину почётного признания не получал ни один магистр ещё со времён Войны Ветров.

А Ястреб извинился еще за то, что не смог сделать для меня больше, чем уже сделал – дескать, правила тут даже ему не позволяют.

Но я был счастлив. Какое «больше», думал я, у меня ведь есть посох колдуна, благодаря и мне в том числе Британия была спасена от неминуемой гибели! Многие мои тайные мечты – мечты ещё не очень зрелого пылкого романтика – сбывались, как по мановению прославленной волшебной палочки. Видимо то, что я так долго не мог ничего достичь, оставаясь серым среди серых, отразилось на моём желании добиваться большего. И вплоть до шести дюжин лет без году я наслаждался своими новыми возможностями, разгуливая по вольным землям Британии и повсюду вступая в бой с многочисленной нечистью.

Но после моя радость иссякла, и я снова потянулся к знаниям. Мне были открыты все тайны Колдовства, но совсем недалеко маячила удобная и могущественная Мистика.

В возрасте шести дюжин лет среди жителей Лунного Сияния как раз наступает пора зрелости, когда мужчины уже начинают остепеняться и искать себе спутницу жизни. Я полю-

бил тогда прекрасную девушку Маглану, увы, оказавшуюся далеко не моим идеалом женщины. Она была молода и красива, ей ещё только исполнилось пять с половиной дюжин (не смейтесь, у нас этот возраст ещё пора ранней зрелости), но, к несчастью, сердце её источил червь алчности и зависти. Она бежала с одним изгнанным мистиком, обокрав и едва не прикончив меня. Я был сильно огорчён её поступком, и с той поры так и не смог найти женщину достойную назваться моей женой. А, может, просто плохо искал... Ведь, чтобы пережить горькое разочарование, я ещё глубже погрузился в изучение мира сущего и освоение его загадок и тайн...

Но неожиданный успех в развитии, и неудачи в личной жизни притупили мою изобретательность, и я не мог придумать ничего стоящего, что бы заслужить право именоваться мистиком. А об успехах на военном поприще нечего было и мечтать – к истреблению укрывшейся по разным уголкам нечисти доблестные британские рыцари и близко не подпускали ни одного нудея, оставив это занятие своим верным клинкам. Приходилось заниматься учёными изысканиями и наблюдением известных миров. Но как-то получилось, что больше я увлёкся алхимией, загадочным и таинственным искусством, которое прочие нудеи считали ничтожной пародией, не достойной их высокого внимания. Ещё прежде, когда меня держали в недосыгаемости посоха колдуна, я интересовался этой сферой нудейства ¹³, на деле оказавшейся не

¹³ Нудейство – использование ню, то есть сотворение заклятий и чар.

такой уж сложной и зачастую далёкой от плетения чар.

Однажды я от нечего делать развлекался Иллюзией. И вдруг обратил внимание на очень интересное обстоятельство. Как известно любому нюдею, звук расходится множеством крохотных волночек, бегущих в толще воздуха и стремящихся во все стороны от источника. Взглядом Иллюзии смутно видны эти волночки. Их возбуждение и управление ими как раз и лежит в основе этой сферы. Как оказалось, они вовсе не одинаковы. Одни длиннее, другие короче. Одни имеют больший размер от падения к гребню, другие меньший. И вдруг я заметил, что разные волны, попадая в наши уши, дают различные звуки. Громкость, тембр и прочие свойства звуков, благодаря которым мы различаем их, зависят как раз от длин и размеров этих волночек.

Никто ранее не задумывался над тем, можно ли управлять ими обычным способом, не прибегая к плетению чар. А ведь нашим ушам не нужны никакие заклятия, чтобы слышать их. И тогда в моей рискованной голове родилась любопытная мысль...

Постепенно я увлекался этим всё более и более. Внимательно наблюдая за миром взглядом Иллюзии, я так же заметил, что все предметы отражают часть падающего на них света, который так же расходится волнами от источника, Ока Митры или горящего факела. Но эти волночки ещё крохотнее и суевливей, чем те, с которыми движется звук. А главное – они не просто колышут воздух, сотрясая его малейшие ча-

стички, а движутся вместе с очень мелкими, почти незаметными кусочками света. Эти крохам я, как правомерный открыватель, дал название «фаэтон». От фэкторского «фай» – разный и «тон» – цвет. И такое название родилось не из пустого места. Ведь, попадая в наши глаза, маленькие безобразники действительно дают разные цвета! Которые опять же зависят от длины волночек и частоты их колебания. И более того – темнота различных вещей связана с тем, сколько света они поглотили, а сколько отразили вовне! Потому курфил такой тёмный, а аксоний так ярко блестит!

После долгих исследований и разочаровывающих ошибок, я обнаружил, что серебрит курфила с небольшой примесью аксония может запечатлеть образ полученных им фаэтонов. Если направить на предмет яркий свет, а напротив него на мгновение вынуть из полного мрака пластинку из такого сплава, то на этой пластинке останется изображение предмета в искажённом свете! И проведя обратное отображение образа под воздействием света мы снова увидим изначальную картинку! Но это удобно лишь для художников, а для алхимика не более чем первый шаг на пути к величайшему открытию.

Продолжая внимательно наблюдать за волночками, я изучил множество любопытных особенностей их поведения. Узнал, что они способны огигать препятствия или отражаться от них, сочетаться между собой, усиливая или ослабляя друг друга в зависимости от прохождения гребня и дна, из-

гибаться попадая из воздуха в воду, и даже возбуждать новые волночки в различных веществах, проходя через них. Чем больше я понимал природу нашего зрения и слуха, тем очевиднее для меня становилась возможность создать нечто поистине удивительное!

Не буду утомлять вас скучными подробностями того, как я изучал работу человеческой гортани, прохождение мельчайших сотрясений в разных веществах и порождение ими новых волночек. Как днями и ночами проводил испытания, порою заводящие в тупик, а порой ведущие к весьма неожиданным последствиям. Как тщетно бился над попытками создать волну большой длины, не видимую глазом, но проходящую большие расстояния не затухая и огибая большинство препятствий. Спустя немалое время проб и ошибок я, наконец, научился всему, что было нужно для величайшего моего изобретения.

Немало времени ушло на поиск подходящих материалов, способных воспринять лишь волночки одних длин и пропускать все остальные без сторонних влияний. Не скажу, что это удалось мне легко. Многие кузнецы и ювелиры дивились моим необычным заказам, нередко выполняя их совсем не так, как мне хотелось. Но я знал, к чему стремлюсь, и со временем мои поиски увенчались успехом.

Подобрав нужные материалы, и опытным путём соорудив подходящие агрегаты, мне удалось собрать нечто подобное вот этой пирамиде, которую вы видите у меня на столе.

Оставалось найти поверхность, способную перевести полученные волночки обратно в различимый глазу свет. Сперва я пробовал использовать медовую обманку, но ничего хорошего из этого не получилось. В любом кристалле есть много примесей, придающих ему неповторимую окраску, однако очень мешающих моей задумке. Порой посторонние частички столь мелки, что плохо различимы даже взглядом Иллюзии. Но, все-таки, препятствуют выталкиванию фазтонов под ударом волночек, или искажают их поток, как я не старался этому воспрепятствовать. В конце концов, после тщательной очистки, измельчения и усиления серебром, мне удалось получить нечто подходящее для использования.

Тем временем наши незабвенные подвиги во времена Ледяной Войны вновь напомнили о себе. На великом празднике в честь полугросса лет победы над Повелителем Туманов и Льдов нас – семерых прославленных мастеров чар – чествовали вовсю. И прежде каждый день всяк человек оказывал нам почёт, а теперь и вовсе чуть ли не пятки лобызали. Мне даже смешно стало от этого чудаковатого преклонения перед нами. Но память о годах разрушения и гибели была слишком свежа, и выжившие не забыли своих спасителей и рассказывали потомкам, кому те обязаны рождением. Странно, что прочие храбрецы, отважно сражавшиеся с ордами врага до нашей победы, не стяжали такой славы и почёта. И мне, отчего-то, становилось от этого как-то не по себе. Наверное благодаря тому, я не попал в сети естественной

при такой славе звездной болезни.

В тот памятный день произошли поворотные события в моей жизни. Черный Ястреб, наш старший товарищ, позаботился о нашем дальнейшем развитии. Велением Чудотворца четверых его сподвижников приняли в чародеи, Элеанор стал магистром, а я получил посох мистика.

«Я знаю, – говорил мне Черный Ястреб, – что ты способен на большее, нежели обычный мистик. Но наше учение запрещает признавать колдуна, пусть даже способнейшего, чародеем, минуя мистика. И нарушать сей порядок не дозволено даже мне, Чудотворцу. Когда такое могущество резким грузом падает на плечи, существует огромная опасность гибели личности. Всё должно осваиваться постепенно – тогда вместе с силой придёт и мудрость. Поэтому анналы нюдеев и предостерегают обрушивать на страждущих втрое большие знания, чем они способны усвоить. Но ты не отчаивайся! Попользуйся пока посохом мистика, освой возможности и чреватости этой сферы, поупражняйся, и при первом же серьёзном достижении ты заслуженно станешь чародеем!».

Отчаиваться?! Да вы что? Я так долго мечтал стать мистиком, и вот, наконец-то, держу в руках заветный посох! На такую удачу я уже и перестал рассчитывать. Похоже, повторялась та же история, когда меня держали в отдалении от посоха колдуна. Но, вспоминая об этом, я снова испытывал то чувство недостаточности. Человек всегда мечтает получить больше, чем имеет, а нудей и подавно – ведь он заранее

представляет ожидающее его могущество. Наверное, потому учение чародеев и запрещает одновременное признание двух прав, чтобы обретенная сила не ушла во зло.

И радость моя постепенно утихла, гораздо скорее, чем в прошлый раз. Передо мной замаячила возможность получить посох чародея. И я пытался им стать! День за днем я исследовал открывшуюся сферу, а после сидел и тщетно ломал голову над новыми изысками. Но ничего не мог придумать. Казалось, весь мир был уже досконально изучен, а человечество не нуждалось более ни в каком пособничестве чар. Даже открывшиеся возможности Мистики не помогали найти путей к заветному посоху.

Тогда же я, сам того не замечая, вновь углубился в алхимию, и почти совсем забросил чары. И хотя эти искусства тесно связаны, но все же имеют множество различий и противоречий друг другу.

Вскоре я сконструировал приспособление для общения на расстоянии. Конечно же – плод моих испытаний над фаэтонами! Первым образцом была небольшая пластина, встроенная в деревянную дощечку. К тыльной стороне пластинки присоединялся агрегат, устройство которого покажется вам довольно сложным. Не стану пытаться вас скучными объяснениями, как превратить одни волны в другие, как возбудить и как выделить нужные. Главное – агрегат улавливал и выбирал те из них, которые были посланы другим похожим агрегатом. После чего отпечатывал на пластинку полученное

изображение. С его же помощью я сумел заставить преодолеть огромные расстояния и голос и прочие звуки, на самом деле являющиеся незаметными сотрясениями воздуха. Естественно, пришлось заложить в агрегат и кое-что из арсенала Волшебства – иначе как заставить его работать. Но получилось на славу, и я тут же не замедлил провести более серьёзные испытания на больших расстояниях. Всё-таки, на словах-то оно работает, но надо бы проверить на деле, дабы не осрамиться перед Чудотворцем.

Я собрал два приспособления и подарил один моему большому другу и соратнику Элеанору. Если вы помните, он был одним из нашей семёрки. Мы провели испытания на расстоянии дюжины вёрст, и они оказались успешны. В глубине моей пластины появилось взволнованное лицо Элеанора, скорчившее удивленную гримасу.

«Не может быть! Я тебя вижу!» – раздался голос из моего агрегата, и я понял, что изобрел нечто стоящее. Пластинка оправдала себя и когда мы разъехались на три дюжины вёрст, так же успешно работала и на полугроссе. Я велел Элеанору тут же мчаться в Уэлк, и сам со всех ног, а вернее – со всех копыт моего коня – поспешил туда. Спустя седмицу я, запыхавшись, ввалился в Лунную Башню и, минуя традиционные формы приветствия, показал свое изобретение Черному Ястребу. Мой друг ещё не добрался до замка – он был в дне пути, и Чудотворец мог воочию убедиться в способностях приспособления. Он был в восхищении и никак не мог на-

сладиться полезностью придуманного мной агрегата.

«Вот если бы у каждого нашего разведчика и дозорного был такой, – радостно приговаривал он, – Никакая нечисть и близко бы не подобралась к благословенным землям Британии!»

Он всё силился понять, какими чарами я пользовался для создания этого, воистину, шедевра. Но вдруг лицо его омрачилось, и Чудотворец сурово произнёс: «Это действительно стоящее изобретение, но оценить его проси алхимиков, а не чародеев!». И я, не ожидавший такого поворота событий, спросил его, наивно, как ребёнок: «А разве не в том состоит жизнь чародеев, чтобы исследовать тайны мира и обращать их во благо?» Ястреб отрицательно покачал головой и мрачно ответил: «Многие тайны должны оставаться доступны лишь тем, кто способен понять их. Потому чародеи обучаются так долго, каплю за каплей познавая сущее, чтобы осмыслить все добрые и злые стороны полученных знаний. То, что ты сделал, открывает возможности, последствия которых ты не можешь себе представить! Как ты можешь зваться чародеем, если не подумал об угрозах, которые несут твои исследования?!».

Я не понял, почему он запрещает с виду невинные и безопасные опыты, но когда Чудотворец, едва не дрожа от ярости, вновь сослался на анналы нюдеев, решил с ним не спорить. Всё-таки тогда я имел обо всём этом весьма смутное представление.

Однако, изобретение он посчитал приемлемым и согласился с его полезностью, но строго-настрого запретил распространять моё творение среди людинов и мелкой знати, «во избежание беды». Ему суждено было стать достоянием лишь величайший нудеев и правителей Британии, чего я и опасался... И я по-прежнему оставался мистиком.

Долгое время я занимался алхимией и прикладными учениями. И совсем забросил чары.

В один прекрасный день вдруг затрещало моё приспособление, которое, надо сказать, я назвал «ридрэтон» – «видящий цвет». На экране появилось взволнованное лицо Ястреба, велевшего немедленно явиться в Уэлк: «...И поторапливайся! От этого может зависеть твой посох чародея!» Я вскочил на лошадь и галопом помчался в замок. Расстояние в пол-луны пути я преодолел меньше, чем за дюжину дней, загнав не одну кобылу и почти не отдыхая. И, наконец, явился в покои Чудотворца.

Остальные уже собрались. Элеанор с хладнокровным спокойствием взирал на хрустальную статуэтку грифона в амбразуре комнаты, а Полифой, напротив, нервно ёрзал на стуле, бросая на соратников короткие взгляды и что-то бормоча себе под нос. Борозон задумчиво почёсывал бороду, сверля глазами беломраморный пол, Хлор сосредоточено крутил ус, а Глорофор каменным изваянием застыл у стены, отрешённо глядя куда-то в потолок. Поведал ли уже им Ястреб то, что собирался сказать и мне, или каждого из них просто

тревожили свои мысли, оставалось неясным. Приходилось ждать в напряжённом молчании, когда Чудотворец закончит корпеть над своими рукописями и обратит на нас внимание. Даже приветствия были быстрыми и короткими, дабы не отвлекать старшего от мыслительной работы.

Наконец отстранившись от своих размышлений, Черный Ястреб сообщил нам очень серьезную и важную новость, повлиявшую в дальнейшем на судьбы всей Британии.

«Я нашёл древний Кодекс, сотворённый некогда неизвестной, но величайшей силой, с которой не сравниться могуществу всех Высших вместе взятых! Вы, возможно, слышали о нём из стародавних преданий, повествующих об изначальных эпохах Британии, когда не было ещё ни Королевства, ни лордов Британиков, ни городов, ни замков, а люди бродили по бескрайнему вековечному лесу. Из глубины времён до наших дней дожил Кодекс – трактат об истинной сущности бытия, утраченной людьми множество эпох назад. Он поможет нам обуздать и укротить распространившееся кровавой язвой на теле мира Зло и загнать его обратно во Мрак, из которого оно вылезло! Наша победа в Ледяной Войне была отнюдь не полной – тяжкие времена грядут, попомните моё слово! Зло никогда не уснёт, оно лишь затихает на время, копит силы для новой атаки. И это знание, дарованное когда-то людям, но не бережённое ими, поможет нам выстоять в наступлении Мрака и сохранить мир для своих потомков!»

Мы дружно молчали, затаив дыхание и медленно перева-

ривая услышанное. Чудотворец тоже остановил свою пылкую речь, давая нам возможность осознать сказанное им. Ему не была свойственная такая напыщенность, даже накануне схватки с одним из Высших он был невозмутим и не позволял себе использовать такие расплывчатые понятия, как Зло или Мрак. Враг всегда был конкретен, несмотря на всё своё могущество. Ястреб не признавал образного Зла или Добра, растворённого в толще мира и проявляющегося разными формами. И когда наш старший внезапно заговорил такими странными фразами мы очень насторожились. Позже я стал подозревать, что он предвидел грядущие события и, возможно, уже тогда знал, как бессильны мы окажемся против них. Но расспросить его так и не успел.

Никто из нас, кроме Элеанора, ничего не знал о Кодексе и о древних силах, да и тот помнил лишь отрывки из немногочисленных сказаний, неизвестно каким чудом дошедших до наших дней. Тем временем, Чудотворец продолжил:

«И явится Аватара – Защитник! – его слова звучали, словно пророчество, а глаза подёрнулись туманной дымкой одержимости, – Он станет покровителем всех созданий на земле, желающих жить в мире и благоденствии. И будет в его эпоху царить покой и благополучие в Британии! А все порождения Мрака будут бежать от него, сломя голову, тщаь укрыться в недостижимых его всевидящему взору норах, но он будет настигать и карать их за злобные деяния, дабы прочие миролюбивые обитатели сущего не боялись за свои жизни и жиз-

ни близких! Его мужество, честь и благородство станут примером всем живущим! Он будет любить этот мир, и мир будет любить его! Так говорю я, Чёрный Ястреб, Чудотворец Британии!»

Эта тирада привела нас в ещё большее замешательство, чем прежняя. Но кто мог знать, что он не тронулся рассудком, а глаголил истину – прежде мы никогда не замечали за нашим старшим пророческого дара. Но тут его понесло, и Ястреб уже не дал нам времени осмыслить его слова, а принялся раздавать указания:

«Пусть каждый из вас приложит все силы к открытию Кодекса. Место, где он укрыт, окружено пеленой чар и защитных заклятий невиданной силы. Обнаружить их будет непросто, потребуются высочайшее мастерство Чародейства, поэтому, Элеанор, я поручаю это тебе! Полифой, лишь Волшебство совладеет с гневом всех стихий, стерегущих Кодекс! Хлор, твое искусство Колдовства поможет прорубиться сквозь неодолимые завесы на пути к нему! Борозон, тебе доверю собрать и сохранить истинный свет Ока Митры и тусклый блеск обоих ночных светил, ибо любой иной свет гаснет во мраке, окружающем Кодекс! Тебя, Глорофор, попрошу развеять иллюзии, опутавшие древний трактат, ибо не всякая дорога ведёт к нему и не всякий путь верен, даже если лежит в одном направлении с истинным!»

«А что же я?» – осторожно спросил я после воцарившегося напряжённого молчания.

«Ты? – Ястреб сделал вид, будто только что заметил меня, – А-а, Мерлин! Не знаю, понадобится ли нам помощь алхимиков, но, возможно, и тебе найдётся применение».

Звучало это безо всякого сарказма или издёвки, и от того более обидно. Я собрался было развернуться и уйти, но вдруг почувствовал, что меня скрутили стальной хваткой, из которой я не смог бы вырваться, даже истратив все свои силы. А Чудотворец даже не смотрел в мою сторону и невозмутимо объяснял остальным подробности их задач. В тот день я испытал величайшее унижение и ярость бессильного гнева.

Но, когда каждый из моих бывших соратников покинул башню Чудотворца, Ястреб отпустил меня и уже дружелюбным отеческим тоном произнёс.

«На тебя возлагается самое главное поручение... хотя ты и отвлёкся от чар в последнее время, я чувствую, что силы у тебя остались прежние. Мне необходимо, чтобы ты отыскал... истинного Аватару!»

Я, недоумевая, уставился на Чудотворца и в очередной раз подивился его умению находить общий язык с людьми. Ещё мгновенье назад во мне царила уверенность, что отныне я ненавижу этого человека и никогда не прощу ему нанесённого оскорбления, но вот уже об этом позабыл. Тем временем мой старший товарищ продолжил:

«Скажу тебе, не тая, Мерлин – надеюсь, я могу рассчитывать на твоё молчание? – я давно уже нашёл Кодекс, несмотря на все препятствия и скудность сведений. Это я сковал его

сложнейшими чарами и окутал заклятиями, дабы уберечь Кодекс от недобрых рук. Труды наших друзей нужны для испытания, пройти которое сможет только истинный Аватара, ибо лишь достойнейший из обычных людей сможет прочесть и понять Кодекс! Остальным я солгал потому, что никто не должен знать о его находке, иначе могут приключиться страшные бедствия. Я, как и ты, полностью уверен в наших друзьях, но есть нечто, что сильнее человека, пусть даже чародея... верней – тем более чародея! И я не хочу давать им лишний повод испытать свою совесть».

«А почему ты доверился мне?» – спросил я с подозрением.

«Это не важно... но у меня были на то причины...».

«Но если ты прочёл Кодекс, почему сам не стал Аватарой? Разве где-то сказано, что чародей не может им быть?»

«Не сказано... К стыду своему, я просто не понял его. Видимо сердце моё не столь чисто и достойно...»

И я не стал задавать лишних вопросов. Чудотворцу виднее его дела и помыслы. Но я был горд оказанным доверием... Хотя...

Так появились на свет Руны...

Прошло девять лун, и мы снова собрались у Ястреба. К той поре его пророчества о пробуждавшемся зле начали сбываться. Это не было какое-то размытое, общее зло, незримо витающее в воздухе, а вполне реальные его проявления в виде выползающих отовсюду чудовищ, появлении новых

захватчиков, набегов диких племён на земли Британии, собственных кровавых заговоров и усобиц, мора и даже природных бедствий. С ними успешно боролись доблестные защитники государства, мечами и чарами отражая любые напасти. Но с каждым разом делать это становилось сложнее, противник оказывался сильнее, порой неприятности возникали в самых неожиданных местах. Поползи даже слухи о пробуждении могущественных демонов, запертых в недрах земли ещё во времена, когда Высшие творили мир. И хотя никакого крупного нападения на Британию, никакой общей войны не было и в помине, времена наступили тяжёлые и опасные...

Каждый представил соратникам произведения своего искусства, должны оказать поддержку и помощь истинному Аватаре в открытии Кодекса. Сам Чудотворец явил нашему обозрению Колокол Мужества, Свечу Любви и Книгу Правды, способные открыть сам Кодекс, запертый замками тишины, темноты и морока, а так же указать его нахождение. Эланор, к нашему общему удивлению, сотворил музыкальный инструмент, лиру, способную раскачать тончайшие струны чар, приводя их в унисон звучащей мелодии и обнаруживая в материальную плотность, доступную обычному взору. Однако, требовалась гармоничная игра, что нимало не смущало нашего друга, считавшего музыкальный дар обязательной чертой такого героя, как расписанный нашим старшим Аватара. Глорофор продемонстрировал нам Компас, указывающий верное направление сквозь все видения, способные

встать на пути, и даже Ястреб признал, что не справился бы лучше. Хрустальный Канделябр Борозона тоже носил простенькое название, но превосходно справлялся со своей задачей, и в свете наступающих сумерек мы с благоговением увидели мерцание огней Лун на крайних свечах и яркий животворный блеск Ока Митры на средней. Творением Полифоя оказался Белый Камень, сделанный, как он утверждал, из осколка глыбы, упавшей с неба. Он и на самом деле выглядел как-то неестественно – вроде бы и обычный булыжник на ощупь, ничего сверхъестественного, кроме, разве что, привычного течения ню, заложенной его создателем. Но его чистый, ослепляюще-белый цвет казался отблеском далёкого небесного Айдара, где, как говорят, обитает Светлоокий Митра. О диске Хлора я знаю мало что – он не рассказывал подробно, но сотканную нами из ткани мира линзу успешно разбил, когда создатель с пятой попытки умудрился в неё попасть. Хотя такие препятствия обычно непреодолимы для любого оружия и чар.

И, наконец, мое творение, восемь Рун: Славы, Доблести, Духовности, Справедливости, Смирения, Честности, Жертвенности и Сострадания. В них я заложил первоосновы этих качеств, которыми, на мой взгляд, должен был обладать будущий герой и защитник Британии. Об этом я рассказывать не буду, иначе говорить придется не один день, и ваши уши устанут меня слушать.

Но, сделав это, я вернул своё нудейское достоинство и по-

лучил посох чародея, на что уже почти перестал рассчитывать. А Борозон с Полифоем обрели высокое право магистров, о котором я не смел даже и мечтать.

И вскоре мир увидел первого и единственного Аватару...

Им стал некий рыцарь отсюда же, из Желомы, фаворит короля Роланда, тогдашнего властителя Соединённого Королевства. Лорд Дарен Британик не хотел допускать его к состязанию, проведённому, по настоянию Ястреба, для определения истинно достойного прочесть Кодекс и получить его силу. Но более дальновидный Чудотворец убедил правителя, что в нём должны участвовать все желающие, независимо от рода и племени.

А было оно, надо сказать, не из простых и резко отличалось от обычных праздничных турниров. Длилось, как мне помнится, не менее трёх лет, и за это время его участники сильно сократили численность разнообразной нечисти, густо заселявшей земли Британии. А победителя определял ни правитель, ни Ястреб и ни кто-либо ещё, а, в основном, мои Руны и прочие творения нашей дружной кампании, нарочно разбросанные по миру так, чтобы найти достойного. Лишь один храбрец, отец того самого сэра Дэвида – Родерик Светлый Крестоносец, смог преодолеть все испытания и добраться до Кодекса... Что ему там открылось, никому из живущих, кроме, может быть, Чёрного Ястреба, неизвестно. Но это наделило его небывалой силой, которая очень скоро пригодилась.

Оказалось, что бродившие слухи о демонах не были так пусты, как мы думали. Пока Аватара с дружиной соратников крушил выползающих из пещер Пограничников чудищ на далёком полудне, только входя в свою силу, на Уэлк со стороны Нанта выступила невесть откуда взявшаяся орда кошмарных тварей. Британия никогда не воевала с Нантом, они вообще живут затворниками и стараются не участвовать в судьбах мира. Поэтому мы не были готовы к столь внезапному нападению с полуночи. Как оказалось позже, побережный Нант никак не был связан с этими жуткими отродьями и ему тоже от них прилично досталось.

Откуда они взялись – до сих пор неизвестно, возможно выползли из глубоких недр через какой-то разлом земли на Холодном Берегу, а того гляди и вовсе на морском дне. Но силы там собрались немалые. Орды свирепых человекоподобных жаб, названных позже слаадами. И это далеко не те жабы, которые нам известны как квакши, намного сильнее и умелее их в бою, стойкие к огненным чарам и к самым умелым иллюзиям. Гвоздилы, которых сегодня мы знаем, как довольно мирных обитателей Холодного Берега, тогда были смертоносной вражеской силой, незримо пробирающейся в ночи мимо всех дозорных и охранных заклятий и наносящей удар в самое сердце наших войск. Тифлинги, загадочные дивы, устраивавшие засады в самых неожиданных местах и успевавшие скрыться до того, как кто-то наводил порядок в порождённой их внезапной атакой сумятице. Но да-

же лучшие из них не могли сравниться с их предводителем, настоящим демоном, порождением глубинных недр, барлогом Гумталагом...

Лишь отчаянное сопротивление Нанта заставило тварей рассредоточиться и дало нам время призвать Аватару к защите Уэлка. К его прибытию замок был в глубокой осаде, даже мы, Великая Семёрка, сумевшая разогнать могущественные творения Высшего, ничего не могли поделать с демоном. Его силы были далеко за пределами нашего понимания и, возможно, даже ближе к Высшим.

В историю эти события не вошли, как война. Орда не стремилась к захвату Британии, по неизвестной нам причине демон жаждал уничтожить только Уэлк. Никто из его воинства даже не пытался атаковать уходящие на полдень караваны бегущих от злой участи торговцев, женщин и детей. Но никогда прежде мы не были так близки к поражению, как в ту пору...

Аватара подоспел как раз вовремя – слаады уже ломали ворота замка и малочисленные выжившие лучники скупно отстреливались со стен, не в силах остановить их нашествие. Его дружина с наскока врзалась в осаждающие орды, прорвалась к воротам и позволила нашим защитникам выйти навстречу врагу. С новыми силами мы мощно ударили по тварям, оттеснив их от замка и обратив в бегство. Воины сразу воспрянули духом, ведь Аватара, защитник всех страждущих мира, был среди них!

Дальше были другие битвы. Прибывшие ещё не успели толком передохнуть с дороги, как началась новая атака. Но дружина Аватары состояла из его бывших соперников, в ней каждый воин стоил дюжины, да и барлог не спешил показываться, видимо, почуяв угрозу. Нашим доблестным воинам при поддержке умелых магов удавалось раз за разом одерживать победу.

Мы так и не узнали, почему демон отступил. Ожидался решающий бой и, несмотря на приподнятый боевой дух, мало кто из нас верил, что Аватара сможет одолеть это порождение мрака, оказавшееся не по зубам даже нашей Великой Семёрке. Но Гумталаг предпочёл избежать боя. Как оказалось, пока шла осада он успел отстроить крепость на закате полуночи Рохлэнда.

Какие невероятные усилия или чары были вложены в это строительство непонятно, но цитадель казалась непреступной, в пору тягаться с самим Уэлком. Разумеется, лорд Британик собирался её сокрушить и добить поганого демона и его отродья, но подступить к ней казалось невозможным. Гумталаг наглухо запечатался изнутри, укрепив стены защитными заклятиями, да такими, что все наши чары не оставляли в них даже трещины. Всё, что мы смогли сделать – запечатать эту крепость снаружи, чтобы укрывшийся внутри демон не смог выбраться, когда ему вздумается. Так она и стоит там до сих пор, с виду безжизненная, но наводящая ужас. Землю в десятке вёрст кругом больше не пашут, и по-

стоянный дозор несёт неусыпную стражу.

Многие из орды не успели укрыться в крепости барлога и бежали на полночь. Дружина Уэлка и Аватара с соратниками преследовали их до самого Холодного моря. Слаадов большей частью побили, но некоторых можно встретить в тех местах до сих пор. Тифлинги и прочие дивы рассыпались по лесам, а гвоздилы запросили мира, сославшись на то, что демон заставил их воевать под страхом полного истребления племени. Великодушный правитель разрешил им поселиться на пустынных землях Холодного Берега и настрого приказал когда-либо появляться в Британии.

Много добрых дел свершил Аватара с тех пор, но, дюжину лет спустя неожиданно бесследно исчез. Ни его мёртвого тела, ни какой-либо весточки о нём так и не удалось найти, и, в конце-концов, его сочли погибшим. Весь мир засуетился и затревожился, ожидая сокрушительного нашествия Мрака, от которого некому будет его защитить, но Светлый Крестonosец напрочь искоренил все серьёзные угрозы, а другие демоны не спешили появляться на свет.

Так что, пережив свои страхи и опасения, люди и прочие народы Британии решили, что в новом Аватаре нет острой надобности, и продолжали жить, не тревожась за свою судьбу. Совет Старших, в который входили мы семеро, лорд Британик, король Роланд, альвийский ярл Денелор и барон славных тангаров Сэн Дварг согласились с этим и раздумали устраивать новое состязание.

А тем временем Элеанор добился верховенства в Лунном Собрании, где мы все до сих пор были хоть и уважаемыми, но рядовыми участниками. По этому поводу готовился большой праздник, и всё Лунное Сияние с трепетом ожидало провозглашения своего нового правителя. Но накануне посвящения мой друг вдруг бесследно исчез, и до сих пор никому не известно, где он ныне.

Сперва в происшествии обвинили старика Магларуса, который, понятное дело, не хотел лишаться почётного местечка архимага Лунного Сияния. Но Чёрный Ястреб, в мгновение ока примчавшийся из Британии, оправдал бывшего правителя зачарованного города и устремился на поиски нашего пропавшего соратника. Я, как мог, старался содействовать Чудотворцу – ведь Элеанор был моим лучшим другом, почти что братом.

Но приключилась ещё одна беда – старина Гэйвин Магларус, оскорбившись, отказался вернуться к обязанностям архимага, и город решил заменить его на Полифоя. Однако за два дня до принятия власти его нашли мертвым в своем поместье.

Это убийство было для нас настоящим шоком. Мы так привыкли ощущать нерушимость и всесильность нашего союза Семерых, что не могли и подумать о потере кого-то из верных друзей и надёжных соратников. Даже после исчезновения Элеанора мы ни на миг не допускали его гибели и уверились в том, что он жив и блуждает где-то в неведомых

краях, или, на худой конец, томится в заточении.

Черный Ястреб сразу сообразил, что кто-то старается уничтожить задержавшихся на этом свете героев Ледяной Войны. Но тогда он ошибся, приняв суматоху вокруг тёплого местечка архимага простым совпадением. Сообщив нам, что отправляется на поиски злодея, Чудотворец исчез, и больше мы о нём ничего не слышали.

С того дня я начал ощущать, что кто-то преследует меня. Я навестил Борозона, его одолевали те же страхи и сомнения. Тогда я, Борозон, Глорофор и Хлор собрались в Обзорной башне и держали совет, как последние оставшиеся из Великой Семёрки. Я предложил организовать собственные поиски убийцы Полифоя, но Хлор воспротивился, утверждая, что нам лучше дожидаться возвращения Ястреба. Толком ничего не решив, мы разошлись по своим покоям.

В полночь я вдруг проснулся, разбуженный ужасным криком. Оказалось, что Хлор, наш старый испытанный друг, подло предал нас и тайком провел в башню Гулов – чудовищных созданий Мрака, которых, говорят, опасаются даже Высшие. Они безжалостно убили Борозона, но нам с Глорофором удалось их прогнать, и Хлор бежал с ними. Для нас так и осталось загадкой, что послужило причиной для такого мерзкого и чёрного предательства, но решающим толчком к нему стало избрание Элеанора новым архимагом, на место которого Хлор давно метил сам. Тогда для меня всё происходило, как в страшном сне. Я очень долго не мог поверить в

злодеяние, свершённое нашим бывшим соратником, и искал ему всяческие оправдания, не в силах с этим смириться.

Нас все чаще и усерднее стали преследовать лихие твари, чёрные призраки ночи, бороться с которыми становилось сложнее и сложнее, и вскоре мы вынуждены были бежать, дабы не привлечь лихо Хлора на головы ни в чём не повинных жителей Лунного Сияния. Увы, справиться с Гулами было не под силу всем чародеям нашего города, вместе взятым, ибо твари эти слишком хитры, чтобы выходить против такой мощи в открытую. И обладают небывалой силой, способной справиться с любым чародеем в отдельности. Не погибнуть вместе с Борозоном нам помогла только накопленная grosами лет колоссальная мощь Обзорной Башни. Но не могли же мы укрываться там вечно – рано или поздно Гулы нашли бы способ расправиться с нами.

На счастье, у Глорофора оказалось моё видящее приспособление, подаренное ему, как и остальным соратникам. Мы бежали порознь, дабы, если погоня настигнет одного, другой смог уйти. Глорофор подался на восход, я же ушёл к полудню. Мы постоянно связывались друг с другом, и один всегда знал, что второй жив и здоров. Но вдруг мы сообразили, что Хлор, у которого тоже был ридрэтон, может подслушивать наши разговоры и легко выйти на наш след, если уже не сделал этого. Тогда мы решили прекратить постоянное общение и связываться лишь тогда, когда одному из нас будет грозить серьёзная опасность. Так мы окончательно потеря-

ли друг друга из виду, а я вспомнил слова Ястреба, который когда-то предупреждал меня, что моё творение может обернуться во зло...

Долго я скитался по полуденным землям. Там я повстречал Мердия и Клондра, повидал много интересного и необычного. И вот, наконец, добрался до Желома...

В то время королем здешних мест был Артур, отец нынешнего короля Артура. Мы с ним очень сдружились, и я стал при нём тайным советником. Ему одному я рассказывал до вас подлинную историю моей жизни.

После смерти доблестного правителя – жаль арии живут не так долго, как тайа¹⁴ – власть лорда Британика распространилась и на эти земли. Гордое и независимое государство превратилось в небольшую провинцию грозной Британии. Но тогда это объединение было необходимо, так же, как единство нужно и ныне. Радует, что обошлось без крови, и Круглый Стол настоял на подписании договора о слиянии двух держав. Правда, на унижительных для ариев условиях.

Сыну моего друга – тоже Артуру – такое положение дел очень не нравилось, и он постоянно стремился вернуть самодержавие Соединённого Королевства Ариев. Но после прислушался к моим советам и понял, что на деле Желом остался таким же свободным, каким и был, лишь в замке Уэлк его горделиво называли провинцией Британии. Но здесь по-прежнему чтит свои порядки и правил свой король. А о ка-

¹⁴ Тайа – народ, населяющий Лунное Сияние.

ких-то податях и оброках не было и речи – лорд Британик не на столько глуп, чтобы разжигать кровопролитную войну с такой могучей державой ради лишних монет. Он нуждался только в единстве рубежей и дозоров, чтобы укрепить оборону государства и снизить купеческие облоги, сильно затрудняющие торговлю. Я убедил Артура, что такой союз его ни к чему не обязывает, а только выгоден для ариев. К тому же непочтительно нарушать последний завет своего отца, давно мечтавшего о создании единого государства для всех людей. Правда, сердцем такого слияния он видел своё королевство.

Мало-помалу арии смирились с тем, что теперь они – часть Британии, перестали считать себя оскорблёнными и даже понемногу начали радоваться единству стольких людей, хотя, как и прежде, считали себя обособленными. А поскольку разубеждать их никто не пытался – ведь пергамент есть пергамент, а люди есть люди – все недовольства окончательно утикли. Так и до сей поры в Уэлке Джелом считают британской провинцией, а здесь продолжают говорить о себе, как о самодержавном королевстве.

Долго я жил и при новом короле, но вот и у него подросток, в котором он души не чаёт. Проказник Гарольд всегда был слишком избалован и постоянно меня недолюбливал. И в один прекрасный день ему удалось избавиться от советника своего отца и деда. Злые языки, вряд ли без его участия, оклеветали меня перед Артуром, назвав черным малефиком, замышляющим злое дело против Гарольда. Кро-

ме того, обо мне говорили, что я лазутчик, засланный лордом Британиком для отравления воли светлейшего государя. Кричали, что я двойник советника, созданный злыми некромантами, что настоящий Мерлин уже давно мёртв, что люди не живут так долго. Пытались даже обвинить в пособничестве врагу в последней войне. Артур старался поддерживать меня и пресекать глупые слухи. Но всё же внял лживым речам прихвостней своего сыночка, тревожась за его жизнь и здоровье, которым я, с их слов, угрожал. Гарольд подтвердил их слова, он частенько пытался напакостить строгому советнику, хотя и не со зла, а по юношеской дурости, чем и воспользовались лихие люди. Основательно здесь руку приложил городничий Джелома, сэр Эрберт, и ещё несколько его подельников, к великому позору сего убранства восседающих за Круглым Столом. Эти лизоблюды давненько подбирались поближе к трону, а я стоял на их пути. И им, наконец, удалось одурманить принца лестью, да лживыми наговорами.

Так я был гоним и запятнан. Король не решился меня убить – не смог перешагнуть через порог долгой дружбы – но навеки запретил мне показываться ему на глаза и отнял все титулы и земли, подаренные старшим Артуром.

Я долго слонялся по Джелому, не в силах поверить, что сын моего верного друга способен был так поступить со мной. Я спал, где придется, ел, что попадало под руку, не решаясь покинуть этот ставший мне родным город и вновь

пустить в далёкое странствие. Дважды я уже обманулся в друзьях и первый раз спасся бегством, но во второй решил бороться до конца.

Но вот однажды, ошиваясь по городу, словно последний нищий, я увидел, как лихие люди напали на семью одного бедного старьёвщика и убили всех, кроме их маленького сына.

Я долго замышлял планы мести подлым клеветникам, сбросившим меня на дно общества, и готовился покарать их за свершённые злодеяния... Но, поселившись в этой лачужке и взяв на воспитание осиротевшего Олвина, оставил все мысли о возмездии. Я занялся обычной мирской жизнью, которая, надо сказать, подарила мне добрый отдых и умиротворение после стольких лет напряжённой жизни.

Теперь я живу спокойно, возможно, что и счастливо. Сорванец Олвин уже подрос, помогает мне варить мои снадобья, набирается познаний в алхимии. Я решил не учить его чарам – слишком уж тяжёлая это судьба. Даже для урождённого нюдея, не говоря уж об обычном человеке. Вот и живём мы с ним вдвоём, готовим зелья и продаём их мелким лавочникам да прочим горожанам. Не шибко бедно, хотя далеко и не богато, но нам хватает. Никто нас не трогает, и мы никому не причиняем вреда. А что ещё нужно старику, готовящемуся вскоре уйти в Долину Скорби? Только мир и покой.

Так вот и заканчивается моя история».

Мерлин тяжело вздохнул и, сложив руки на груди, задре-

мал. Спускались сумерки, и вскоре в окружающей тишине раздалось тихое стариковское посапывание, почти тут же приглушённое громким могучим храпом из-под печки.

Толстый Джек

Минула дюжина дней с той поры, как Ланс и Джеоф поселились у бывшего королевского советника. Верзила даже не смог побывать в своём собственном доме на другой окраине Джелома. Там день и ночь дежурили по трое дюжих воинов – Троль не прощал обидчиков. А остававшиеся у него деньги достались теперь городским попрошайкам и бродягам – свой мешочек с серебром он потерял где-то в дворовых переулочках, во время сумасшедшего бегства с рыночной площади.

Правда, его подруга по несчастью сберегла небольшой запас серебра, но большую его часть потратили ещё в первые дни: новая одежда, одеяла, ножи, кресало и прочее походное снаряжение. Ведь её собственные скудные пожитки так же остались на постоялом дворе, куда опытная пройдоха не решалась совать нос. Друзья не собирались надолго оставаться в городе, задерживали только настойчивые уговоры Мерлина.

Но чародей был себе на уме, и «подельники», как их, шутя, называл старик, не ломали головы над тем, зачем они ему понадобились, а попытались заняться поисками хоть какой-нибудь работы.

Однако, дело сие оказалось не таким простым, хотя они и наловчились незаметно выбираться из дома старика через подворья и возвращаться обратно. На улицах богатых дво-

ров показываться нельзя – городская стража несла неусыпный дозор, а узнать Джеофа по описанию легче лёгкого – слишком уж приметной обладал он внешностью. Да и помнили ещё многие бывалые вояки героев той памятной войны. Оставалось искать только по нищим окраинам. Но мелкие лавочники и ремесленники сами едва сводили концы с концами, потому наотрез отказывались брать лишних работников, которым придётся платить лишние деньги.

Потому беглецы отплачивали за пищу и кров тем, что изо дня в день брали работу по дому: уборку, хождение за водой, наколку дров. Только готовкой Мерлин всегда занимался сам и к кухне близко никого не подпускал. А на все попытки завести разговор о нахлебничестве, постоянно отвечал обоим, что они ничуть ему не в тягость. Напротив – он рад, что у него живут такие замечательные люди. Хотя почему он так быстро причислил их к «замечательным» никогда не объяснял. Но старец мудр – ему виднее. К тому ж не даром чародей.

Все четверо, весело переговариваясь, завтракали свежим хлебом с бодрящим травяным отваром, когда вдруг раздался негромкий стук в дверь. К старому чародею уже давно никто не заходил, даже с покупателями его разнообразных порошков и зелий алхимик общался исключительно посредством Олвина. Поэтому визит неизвестного раннего гостя показался довольно странным.

Стук повторился, уже гораздо громче. Вернее всего, явились стражники, незнамо как проведавшие, где скрываются двое беглецов. Они уже заходили несколько дней назад – запоздало проверяли каждую лачужку на этой тихой улочке. Как и тогда, Мерлин спрятал гостей в задних сенях, укрытых иллюзией, а сам, не спеша, подошёл к двери и медленно отодвинул массивный засов, недавно слаженный Джеофом. Своей нерасторопностью он как бы выказывал невеликое уважение к городничьим воякам, что осмелились тревожить покой опального старца, мирно доживающего свой век.

Отправляйся к зорнам, шелудивый пёс! – крик Мерлина разнёсся, наверное, по всем окрестным дворам. Сидевшие в тесных сенях беглецы от неожиданности вздрогнули, – и передай этому жирному борову, что от меня он не получит ни медяшки!

За дверью стоял вовсе не городской стражник с гордой эмблемой ягуара на груди, а какой-то худощавый сутулый парень, двух дюжин лет, в замызганных старых брюках, сшитых из плохо выделанной кожи, и такой же куртке – типичное одеяние бродячих головорезов породы далеко не самых бывалых. Его слегка раскосые испуганные глаза опасливо глядели на чародея из-под спадающих на лоб смолисто-чёрных волос. Дрожащие огрубелые руки нервно тянулись к вишащему на поясе кинжалу. Из-за спины высовывался край небольшого серого самострела на кожаном ремне. Несмотря на молодость гостя, его сурово осунувшееся лицо отчётли-

во говорило, что в случае чего он не преминет пустить оружие в ход и хладнокровно убить старика. На левом запястье незваного гостя красовалась искусная татуировка в виде перекрещенных ножа и стрелы на круглом щите. Именно она вызвала столь бурные эмоции старца.

Где это слыхано, что бы Мерлин Молниеносец платил дань какому-то ничтожному душегубу!

Зря ты артачишься, старик, – процедил сквозь зубы незнакомец, сумевший, наконец, приглушить свой страх, – И до тебя доберёмся как-нибудь!

Сказав так, парень быстрым, почти бегущим шагом поспешил убраться. Видимо малый был слишком напуган рассказами о седовласом чародее, и благоразумно решил не заводить с ним свару.

Старец же, проводив гостя сердитым взглядом, громко хлопнул дверь и принялся задумчиво расхаживать по комнате, бормоча что-то себе под нос. И даже не обращал внимания на замерших в тревоге гостей, словно напрочь позабыв о них. Если бы не Олвин, напомнивший учителю о своём присутствии, слушали бы его ворчание до самого вечера.

Да-а, плоховаты дела... – рассеянно протянул Мерлин, глядя пустым взглядом в потолок, – Да будь я при своём прежнем положении, они бы и сунуться ко мне не посмели!

Кто это был? И что ему нужно? – отряхиваясь от дворовой пыли, спросила Ланс.

Это... это плохие люди... очень плохие, – рассеянно отве-

тил старик, – Они называют себя Правителями Ночи, но, по сути, это всего лишь шайка головорезов, выбивающих деньги из честных джеломцев. Во главе их стоит очень коварный и хитрый человек. Его имя – Толстый Джек. Вернее так прозвали его за... в общем, было за что.

Толстяк! – воскликнул Джеоф, – Когда я ещё служил у государя, мне доводилось слышать о Толстяке Джеке. Но мы всегда считали его выдумкой горожан! Мало ль кто какие байки травит, лишь бы не платить в казну...

Болваны! Да если бы наш городничий постарался известить эту заразу, многие охотно согласились бы платить подати вдвое больше нынешних!

Мерлин сердито ударил кулаком по столу, заставив Джеофа покраснеть от стыда за всю славную королевскую дружину.

– А-а, что теперь говорить! – махнул рукой Мерлин, – Все, кто набрался храбрости пожаловать к вам в поисках защиты, теперь мертвы! Правители Ночи держат в страхе весь город!

Старик, похоже, уже забыл, что Джеоф давно имеет несколько другое отношение к стражам порядка. Однако, верзиле всё равно хотелось сгореть от сжигающего его стыда. Он понуро опустил голову и тихонько отошёл в угол, стараясь скрыться от укоряющего взора старца. Но чародей не стал увлекаться упрёками, а только продолжал напряжённо расхаживать взад-вперёд.

– Он очень силен, его разбойничья братия способна раз-

нести в щепки половину города, хотя им, конечно, не выстоять против всей джеломской стражи. Но в случае чего, Толстяк может вызвать подмогу из Ю – крупнейшего разбойничьего логова всей Британии. Хотя он и не властен ни над воровским братством, ни над Теновой Гильдией, но ведёт с ними крупные дела, поэтому юрам очень не выгодно терять такого подельника.

– Но неужели и ты, могущественный чародей, опасаясь какого-то разбойника, – удивилась Ланс, имевшая весьма смутное представление о положении дел в этом загадочном для неё государстве. И, тем паче, о каких-то братствах и гильдиях, – ведь ты вполне способен изничтожить всю его шайку!

– Боюсь я не его, а того, кто может обо мне прознать, если дело дойдёт до юров, – Мерлин недовольно тряхнул головой, как бы отгоняя нахлынувшие воспоминания, – За ними приглядывает сам Повелитель Тьмы, покровитель разбойников и воров, а у меня с ним давние счёты!

Этого Джеоф понять не мог. Такой, с виду бывалый и мудрый старик, так рассудительно толковавший о государственных делах, да к тому же ещё и колдун не из слабых, боится какого-то сказочного Высшего! Глаза верзилы сильно округлились, в упор уставившись на Мерлина. И в них читалось сомнение – а не сошёл ли уж этот старец с ума?

– Мне так знаком этот взгляд, – заметив изумление верзилы, печально произнёс Мерлин, – Ты не веришь в суще-

ствование Высших?

– Конечно! Это же сказка, вымысел, которому поклоняется кучка обезумевших глупцов! Как в неё можно верить!

– Эх, темнота... Видимо невнимательно ты слушал мой рассказ о Ледяной Войне!

– Ужели и ты, мудрый кудесник, погряз в бестолковой религии?

Чародей наградил Джеофа суровым взглядом, заставившим того чуть ли не вжаться в стену. Он строго покачал головой и глубоко вздохнул. В этот момент Мерлин походил на старого учителя, пытающегося объяснить своему ученику нечто такое простое и естественное, что никак не входило в его юную голову. Хотя юным верзилу двух с четвертью дюжин лет назвать никак нельзя.

– Как я могу не верить в то, что видел собственными глазами! – в голосе Мерлина появилась звучная нотка раздражённости, – Ты глубоко заблуждаешься, Джеоф. И когда-нибудь ты осознаешь своё невежество, а нынче я не буду тебя переубеждать! У меня есть дела и поважнее!

Круто развернувшись, старик поднялся в горницу, оскорблёно бормоча себе под нос что-то очень недоброе в адрес «остолопов неверующих». Ланс укорительно покачала головой и тихо вздохнула.

– Зря ты так... По-моему, этот милый старик обиделся.

– Да я только...

– Ты только дал ему понять, что не очень-то веришь его

рассказу... а, кто знает, может он и прав...

Верзила что-то раздражённо буркнул и, громко хлопнув дверью, покинул дом. Уже с улицы донесся его басистый голос:

– Ну вот, и ты туда же!

Красавица задумчиво глядела ему вслед. Он разъярился и может натворить кучу бед. Но она надеялась, что это уж как-нибудь обойдётся, чай не маленький. И знала, что вскоре он вернётся назад.

На следующий день Ланс и Джеоф мирно беседовали в гостевой, похлёбывая густой наваристый отвар из больших деревянных кружек. День ото дня сдружившиеся «подельники» всё более чувствовали недостаток доброго эля, какой подавали в «Круглом Столе», сходить куда не было ни денег, ни возможности. Им ещё повезло, что никто не доложил стражникам после его вчерашней выходки, и пытаться судьбу, светясь на глазах множества людей, никто из них не спешил.

Мерлин, тихо насвистывая старую мелодичную песенку, помешивал какое-то варево в большом медном котле. От него приятно тянуло сладковато цветочным ароматом – чародей не любил, что бы его снадобья дурно пахли, и всегда примешивал тончайший запах благовоний.

В дверь опять, как вчера, постучали. Только на этот раз незваный гость вёл себя куда как невежливо, громоподобным грохотом ломаясь в крепкий цельный дуб.

– Снова! – вставая, воскликнул Джеоф, – Ну, я кому-то...

Что он «кому-то» сделает, верзила сказать не успел. Старик, быстрее молнии метнувшийся от печи, резко отстранил его и сам бросился открывать, на ходу плетя морщинистыми руками какое-то боевое заклятие.

– Я сам с ними разберусь! Там, наверняка, целая толпа стрелков!

Ланс уже тоже была на ногах, явно не собираясь отпускать старца одного против своры предполагаемых недругов. Она прежде него встала перед входом, загородив его собой.

– А может лучше им не открывать? Вряд ли у них найдётся надёжный таран, способный выбить такую дверь.

– Ты сомневаешься в моих силах? Если там шайка этих оборванцев, именующих себя Правителями Ночи, я превращу их в такую мелкую пыль, что даже ветру нечего будет развеивать!

Он властным жестом велел укрыться своим гостям в привычных задних сенях. Нельзя было исключать и того, что Джеофа всё же заметили и, наконец, пожаловали городничьи вояки. Снова раздался грохочущий стук в дверь, будто лопались тяжеленным, закованным в железо бревном. Здоровяк Джеоф хотел было отодвинуть старика в сторону и выйти по душам побеседовать с мерзавцами, но блеснувшая на кончиках пальцев Мерлина молния убедила его, что не стоит лезть прежде старших. Громила жаждал боя, но всё же смирился и с недовольным видом отправился в укрытие, где уже напряжённо ожидала Ланс.

Чародей с испугом заметил, что в доме не хватает его ученика, но тут же вспомнил, что ещё утром отправил того по одному важному делу.

После третьего навязчивого стука старец, наконец, отворил дверь.

Мерлин ожидал совсем не этого. Он уже приготовился отразить с дюжину калёных стрел, безжалостной рукою направленных в его грудь, и столкнуться лицом к лицу с каким-нибудь здоровенным головорезом, вооружённым пудовым мечом. Или, на худой конец, проворным коротышкой с острым отравленным кинжалом, бьющим без промаха. Но никак не предполагал увидеть этого человека...

Сперва взгляд чародея упёрся в неимоверно огромный, сильно выступающий вперёд живот, занявший почти всё пространство перед дверью. Поднявшись выше, удивлённый взор старца столкнулся с раздутыми рыхлыми щеками и жирным прыщавым носом. Широкие мясистые губы сложились в отвратительной ухмылке. На круглой, почти лысой макушке торчали несколько чёрных маслянистых волосинок. Короткие пухлые руки забавно устроились на толстом брюхе. Локтей на них, казалось, и вовсе не было – они сливались с общей студёнистой массой.

Развалистой походкой незваный гость ввалился в сени, не спрашивая на то разрешения у хозяина. Мерлин отнёсся к нахальному вторжению на удивление спокойно. Он хладнокровно отступил в сторону, освобождая пространство плы-

вущей горе жира и мяса. Только вот, ширина прохода рассчитывалась на средних людей, и толстяку, что бы в него протиснуться, пришлось до упора стянуть всё своё тулово. Тем не менее, дверные косяки затрещали и даже немного надтреснули, как бы нехотя впуская рыхлую тушу.

Мерлин выжидал молча. Мудрый старец прекрасно понимал, что Толстяк явился поговорить, иначе обязательно вперёд себя запустил бы шайку головорезов. Не мог же он так просто рискнуть своим бесценным салом.

Противней всего в его облике были глаза Толстяка. Маленькие, сощуренные, будто бы сжатые неимоверной силой, коварные глазки блестели отрадной злобой. Даже уродливая ухмылка казалась милой улыбкой в сравнении с жуткой ненавистью этих узких щёлок на рябом лице гостя. Но его ехидный прожигающий взгляд разбился о ледяное хладнокровие хозяина дома.

– С чем явился, Величество Уличное? – без тени сарказма осведомился чародей.

– Огорчён я очень... – глухим басом ухнул Толстяк, пропустивший мимо ушей тонкую издёвку старика и поплывший в гостевую, – Одна Паскудная Крыса в моём королевстве отказывается платить дань на содержание моей пышной особы... Эх!

Старец был непревзойдённым мастером по части оскорблений, потому что умел произносить их совершенно ровным тоном. Поэтому Толстый Джек решил не унижать себя глу-

пой руганью, а вторить чародею в этом замысловатом ремесле. Только Толстяку, как он ни старался, не удавалось скрыть издёвки в своём голосе.

– Премного опечален несчастьями твоего государства, – продолжил Мерлин. Он говорил так, будто действительно был утешённым повседневными заботами правителем, ведшим светскую беседу с другим таким же высоким государем, – Но в нашем королевстве Хлопот-Полон-Рот и своих забот хватает. Так что, наи жирнейший мой сударь, ничем не в силах тебе помочь.

– Надеюсь я, милорд Маг-Почти-Мертвяк не слишком оскорбится, ежели узнает, что он и есть та Паскудная Крыса? – Толстяку удалось таки выровнять голос, и он стал слащавым, отчего ещё более отвратительным.

Ланс и Джеоф, незримо выглядывавшие из задних сеней, сразу сообразили, что за человек появился в доме старца. Но решили до поры, до времени не высовываться, а молча наблюдать.

– Хватит! – голос Мерлина резко изменился, посуровев и став подобным грому, – Я уже говорил твоим псам, что от меня им лучше держаться подальше! Проваливай отсюда, а не-то придётся тебе плакать о своей драгоценной туше в Долине Скорби!

– Ай-яй-яй! – жирдяй, похоже, крепко вжил в роль, – Как не хорошо пугать такими глупыми угрозами Хозяина Улиц! Или тебе не известно, что эта дань также зовётся пла-

той за право жить?

– Как думаешь, что мне мешает сей же миг прикончить тебя и освободить миру то огромное пространство, что ты занимаешь? – старик изобразил злорадную ухмылку, передразнивая Толстяка. В его поднятых руках уже давно теплилось обжигающее руки смертоносное заклятие.

– Твоё благородство, колдун, твоё распроклятое благородство.

Жирдяй, казалось, ничуть не опасался могучего чародея. И даже не повысил голос и не окрикнул своих натасканных головорезов, без сомнения, скрывающихся где-нибудь во дворе и на улице. Он только молча подплыл к оставленной на столе недопитой кружке и от души из неё хлебнул.

– Тьфу! – сальные губы разомкнулись, выплёвывая коричневатую жидкость, – У тебя, старик, что ж, даже и выпивки не найдётся?

– Проваливай, боров! И не мути своим нечистым рылом мои добротные чарки. В лучшие времена мне из них ещё эль пить!

– Ай-яй-яй! – вновь запричитал незванный гость. Поворачиваясь, он зацепился брюхом за столик, тут же опрокинув его, – Такой высоко начитанный, высоко мудрый человек! Бывший советник светлейшего величества! А ведёт себя, как последний сапожник – ругается, угрожает! Ох, не хорошо!

– Не уберёшься сам, я выкину тебя силой... на тот свет!

– Эх, колдун, колдун, – Толстяк хитро прищурил и без

того невероятно суженные глаза, – Не позволит ведь тебе совесть твоя убить безоружного человека.

– Убить не убью – тут ты прав... но покалечу!

Мерлин вытянул правую руку вперёд, готовясь выпустить до боли обжигающую ню в это жирное тело, всерьёз вознамериваясь перекрошить кости бандиту, но тот, как бы не замечая, подплыл к окну и заметил, вдыхая уличный воздух.

– Душно у тебя, колдун, ох душно.

Из-за распахнутых ставен выглянули два лихих стрелка, мигом взявшие старика на прицел.

– Ты столь глуп, что считаешь стрелы своих душегубов быстрее моих чар? – усмехнулся Мерлин, глядя в лицо обернувшегося Толстяка.

– Эх, старик, а я ведь надеялся, что мы сумеем договориться. Два разумных человека... Даже подумывал сохранить тебе жизнь... Но ты слишком упрям!

Поздно чародей заметил, что за его спиной уже занёс меч жилистый парень, а в сенях толпятся не менее полудюжины его подельников, вооружённые кто чем, лишь бы тяжёлым и острым. Он скорее почувствовал, чем увидел широкое лезвие опускающегося на его шею клинка.

Ланс и Джеоф, весь обзор которых занимала нижняя часть спины Джека, непонятно как вообще протиснувшаяся в дом, тоже ничего этого не увидели, иначе тут же кинулись бы на помощь старцу...

Но для чародеев не бывает слишком поздно, когда они

имеют дело с простыми смертными. Часть рвущейся на волю ню Мерлин в последний момент успел бросить на свою защиту, получше всякой там брони отразившей летящие в него стрелы и клинки. И уже в следующий миг накопленная им мощь пронеслась по дому, круша всё на своём пути, сотрясая стены и ломая, выкручивая кости запоздавшим головорезам. Дикий крик боли разнёсся по всей округе, заставляя матерей покрепче прижимать к груди свои чада, а их мужей запираť плотнее двери и хвататься за оружие, имевшееся в каждом доме.

Бешеный поток, управляемый Мерлином, перемолов кости ворвавшимся в лачугу разбойникам, устремился через распахнутую дверь дальше на улицу, калеча их столпившихся снаружи подельников. Страшные переломы выдирали из их глоток жуткие крики, а разорванные раны обильно оросили высохшую землю дымящейся алой кровью. Жертвы чудовищных чар старика не умирали, но невыносимые муки боли заставляли их жалеть о том, что чародей не прикончил их сразу. Не менее дюжины бывалых, закалённых вояк дёргались в агонии на равнодушной к их страданиям земле. За всю свою лихую жизнь, полную отчаянных драк, им не приходилось получать столь кошмарных ранений, вырывающих дикий вопль даже у этих хладнокровных и привыкших к боли мужчин. Они словно бы попали под огромный камень, сминающий их, как жухлую травинку, вставшую на его пути с обрыва. Но даже сильно изломанная травинка оставалась

жить до тех пор, пока из разорванного стебля не вытечет весь сок, несущий в ней жизнь. Так и чары Мерлина жутко увечили свои жертвы, обрекая разбойников на медленную смерть от застилающей разум боли и потери крови...

Мощным толчком ноги в зад Джеоф опрокинул жирдяя, выскакивая из укрытия, и рванул ко входу, по пути запустив ведром в голову одного из стрелков за окном. Бедняга глухо вскрикнул и свалился без памяти. В другой руке здоровяка была мотыга, которой он легко отразил меч первого появившегося разбойника. Тот явно не ожидал встретить здесь такого противника и на мгновенье растерялся, но этого верзиле хватило, чтобы вогнать кирку ему в ключицу. Брызнувший фонтан крови ударил в лицо следующего душегуба, заставив его отшатнуться. Заминка позволила Громиле выхватить меч из ослабшей руки поверженного и, отпихнув его ногой, занять удобное место для обороны в сенях. Будь лачужка попросторнее, головорезы вломились бы всем скопом, но из-за тесноты и корчащихся на полу товарищей им приходилось толпиться, мешая друг дружке.

Тем временем Ланс длинным прыжком сиганула в окно и, перекатившись через себя, вскочила на ноги перед изумлённым её появлением стрелком, торопливо перезаряжавшим свой самострел. Резкий удар открытой ладонью по горлу заставил его захрипеть и осесть. Третий стрелок, карабкавшийся на крышу, сперва вообще не увидел златовласку. А когда обернулся на стон подельника, Ланс уже выкручи-

вала его пяту. С громкими воплями ругательств свалившись на землю, он попытался выхватить нож. Но удар ноги в пах сорвал эти намерения, вызвав приступ острой боли, а следующий, в подбородок навсегда прекратил его мучения, сломав шею.

Когда Ланс перемахнула через ограду на улицу, то застала там и Джеофа, уже вытеснившего своих противников из сеней и теперь всю орудующего мечом, держа менее дюжины растерявшихся головорезов на почтительном расстоянии. Большинство из них истекало кровью – видать решили навалиться кучей на здоровяка, не ожидая от того военной выучки. На земле корчились в муках невероятно изломанные и изогнутые тела нескольких ободранцев, бывших, по видимому, ещё недавно умелыми воинами. Этим не повезло попасть под удар Мерлина.

– Сперва я убью тебя, – златовласка ткнула пальцем в ближайшего головореза, быстро разобравшись в положении. Если эти вояки хоть чего-то стоят, то даже вдвоём будет сложно выстоять, оставалось брать на испуг.

Отмеченный красавицей высокий жилистый парень удивлённо вытаращил на неё глаза и раскрыл рот, собираясь что-то ответить. Но не успел – Ланс вдруг прыгнула на него выставленной ногой, ударившей тому ровно в грудь. Поднявшись под хохот подельников, растяпа с проклятием бросился на странницу, но вместо молодого нежного тела его рука схватила воздух. А в следующий момент он почувство-

вал, как твёрдые, словно вековой дуб, пальцы вонзаются в его горло и, крюком обхватывают его через вспотевшую кожу. Удар раскрытой ладонью в скулу вдавил глотку несчастного в его собственную челюсть. Хрипя, он вяло попытался взмахнуть мечом, но хрупкий с виду локоть, прилетевший в нос разбойника снизу, опрокинул его на землю, оставив изрыгать кровь из порванного горла в предсмертных судорогах.

– Теперь ты, – Ланс указала на следующего оторопевшего разбойника.

Джеоф, не давая потрясённым противникам опомниться, резво метнулся к одному из них, сметая его запоздалую попытку отмахнуться. Лёгкий для руки здоровяка меч свободно вошёл между рёбер бедняги по самую рукоятку. Ближайший вояка оказался не так растерян и неопытен и даже попытался, воспользовавшись случаем, достать верзилу цепом. Лишь невероятным усилием удалось Джеофу бросить падающее тело на встречу грозному оружию, а самому отклониться назад, потеряв равновесие. Второй груз просвистел над самым лицом здоровяка во время падения.

Но уловка Ланс сработала, выбранный ей разбойник метнулся подальше от неё, ломая ровное окружение, за ним засуетились остальные. Это помешало большинству из них атаковать упавшего Джеофа, а от удара цепа он легко уклонился, тут же перехватив его за цепь и дёрнув нерадивого вояку на себя. Падая, тот всё же успел развернуться и уда-

рить встающего Громилу локтем в живот. Но здоровяк в ответ отпустил цепь и резко схватил недруга за лицо, так сильно сжав его пальцами, что у него помутнело в глазах. Двое подельников хотели было броситься на помощь, но остальные, торопливо пятившиеся от Ланс, столкнулись с ними, позволив Джеофу завершить дело мощным ударом кулака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.